

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

Сергей САМАРОВ

ГОРНЫЙ СТРЕЛОК

Сергей Васильевич Самаров

Горный стрелок

Серия «Спецназ ГРУ»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4567919

Самаров С. В. Горный стрелок: Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-60564-4

Аннотация

Руководству ГРУ становится известно, что отряд грузинского спецназа под командованием полковника ЦРУ Мартинеса готовит теракт на территории России. Цель террористов – олимпийская горнолыжная трасса в Сочи. Операцию по обезвреживанию террористов поручено провести подполковнику спецназа ГРУ Давиду Кольчугину. Под видом отдыхающего офицер отправляется в горы. Ситуация осложняется, когда становится ясно, что теракт для группы Мартинеса – задача второстепенной важности, а основная миссия – похищение ученого-генетика, изобретателя новейшего оружия...

Содержание

Пролог	4
Часть первая	34
Глава первая	34
Глава вторая	63
Глава третья	98
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Сергей Самаров

Горный стрелок

Пролог

Ворота дома в горном абхазском селе распахнули настежь, и два человека, повинаясь жесту третьего, стали придерживать ветхие створки. Еще двое, молодые мужчина с женщиной, стояли во дворе и показывали, как лучше тентированному грузовику заехать во двор задним ходом. Но то ли зеркала у грузовика стояли неправильно, то ли водитель был малоопытным, но грузовик все же зацепился правым зеркалом за столб, на котором висела створка ворот, и зеркальное стекло посыпалось на землю мелкими осколками. Водитель, впрочем, даже не вышел из кабины, чтобы посмотреть на поломку. Но машина все же заехала. Ворота еще не успели закрыться, как из кузова выпрыгнули два омоновца. И едва двигатель заглох, как из кабины вышел третий омоновец. Все трое были с «тупорылыми» автоматами¹. Но оружие мешало им, они передали автоматы на хранение тому, кто командовал заездом машины, – высокому человеку в камуфлированной форме. Из дома вышли еще трое людей, тоже в

¹ «Тупорылый» автомат – «АКСУ-74», автомат Калашникова с укороченным стволом и раструбом.

«камуфляже», чем отличались от омоновцев, носящих черную униформу. Омоновцы занялись разгрузкой ящиков из машины, но заносили их не в дом, а в сарай. Те трое, что вышли из дома, сразу зашли в сарай. И те двое, что держали ворота, когда машина заезжала, туда же ушли, прихватив по дороге каждый по две необрезных широких доски.

Человек в камуфляже, который по-прежнему всем распоряжался, вышел за калитку и посмотрел по сторонам. Село было почти заброшено, и жили там лишь несколько семей, причем жили совсем в другой стороне села, ближе к грузинской границе. Но и они вызывали опасение. Процесс разгрузки лучше было бы никому не видеть.

Улица была пустынна, только где-то вдалеке тихо брела по пыльной дороге тощая старая собака с опущенной головой. Она не вызывала беспокойства, и человек в камуфляже собрался было уже вернуться во двор, когда в чехле на поясе «подал голос» спутниковый телефон.

Человек глянул на определитель номера, развернулся и быстрыми шагами отошел на два десятка метров в сторону от ворот, чтобы никто не слышал его разговора, и только там нажал на трубке кнопку соединения.

– Слушаю вас, Доку.

– Здравствуй, Бексолтан. Ты где находишься?

– Мы приехали в село. Начали разгрузку.

– Так быстро? Хорошо. Без происшествий?

– Какие могут быть происшествия под прикрытием ОМО-

На! Все гладко. Как остальные?

– Вчера еще закончили. Ты последний. Сколько у тебя омовцев?

– Трое.

– Справишься с ними?

– Они мне отдали свои автоматы. Как уйдут опускать ящики, я над ними поколую. Сменные магазины я уже подготовил.

– Хорошо. Машину, как и планировали...

– С обрыва. Я место присмотрел.

– Действуй. По завершении сообщу.

– Обязательно, Доку. Я позвоню.

Собеседник отключил связь. Бексолтан стер из памяти трубки номер последнего звонка и убрал трубку в чехол. И только после этого заспешил во двор.

Ящики уже занесли в сарай. Омовцы хотели было присесть на скамью у крыльца дома, где стояли прислоненными к стене их автоматы, но тут их позвали из сарая.

– Помогите ящики в яму опустить, – распорядился Бексолтан.

Омовцы без разговора двинулись, куда их отправили. И едва чьей-то сообразительной рукой закрылась за ними дверь сарая, как Бексолтан вытащил из-под крыльца три магазина для автоматов и сменил их в автоматах омовцев. Операция по замене была произведена быстро и незаметно. Прошло около десяти минут, когда омовцы вышли.

– Нам возвращаться пора. Путь не близкий, – сказал Бексолтану старший из них.

– Да. Пора. Я с вами поеду. У меня билет на поезд. Не опоздать бы.

Бексолтан встал, молча вытащил из внутреннего кармана куртки бумажник и отсчитал каждому по пять плотных, хрустящих, словно только что с печатного станка, стодолларовых купюр. Расчет производился молча, но все стороны остались довольны. Сумма оговаривалась заранее, и потому обсуждать было нечего.

Бексолтан сел в кабину. Один из омовцев сел за руль, двое других забрались в кузов. Машина медленно покинула двор. Опять два человека держали створки, которые норовило захлопнуть ветром. И только на дороге, еще не покинув село, грузовик начал набирать скорость. Водитель спешил...

* * *

После переезда моста через небольшую речку, в период половодья становящуюся мощным горным потоком, дорога повела в горы. Грузовику предстояло подняться на перевал, пусть и не слишком высокий в сравнении с равнинной дорогой, тем не менее, достаточно высокий и крутой, чтобы изношенный двигатель машины начал задыхаться. Однако грузовик шел без остановки и одолевал один за другим крутые повороты серпантина.

Бексолтан, сидя справа от водителя, кажется, дремал. Но в один из моментов он вдруг встрепенулся, заворочался и посмотрел за стекло. Справа был крутой обрыв, уходящий склоном в глубокое ущелье, а на дне ущелья виднелись ржавые останки другого грузовика, невесть сколько лет там пролежавшие.

– Тормози, – сказал Бексолтан. – Тормози быстрее...

– Чего? – не понял водитель-омоновец, тем не менее, машину остановил. – Чего надо-то?

– Надо, значит, надо... – Бексолтан положил левую руку на рукоятку «ручника», а правой вытащил пистолет. Ствол уперся в висок водителю.

Омоновец попытался отбить руку с оружием, но не успел. Палец нажал на спусковой крючок. Голова на толстой накачанной шее дернулась и беспомощно упала на стекло левой дверцы. Кровь потекла по стеклу. Пуля прошла через голову навывлет и ударилась в металл кабины.

Бексолтан сначала дернул на себя рукоятку «ручника», открыл со своей стороны дверцу, чтобы освободить себе путь, после этого опустил «ручник», машина стала скатываться задним ходом в сторону пропасти, но он успел выскочить на неширокую обочину дороги.

В кузове, конечно, слышали выстрел. Подготовка у абхазских омоновцев серьезная, все они практически успели повоевать и быстро соображали, что следует делать в критический момент. Бексолтан увидел, что один из омоновцев

успел выпрыгнуть из кузова на дорогу, упал, однако тут же, перевернувшись, вскочил и поднял оброненный автомат. Но прыжок второго слегка запоздал, и человек полетел в пропасть, а следом за ним полетел и грузовик.

– Ах ты, сука... – сказал омоводец, стоявший на дороге, передергивая затвор автомата. – По грязи размажу...

Бексолтан, однако, не сильно испугался и спокойно двинулся на сближение. Омоводец, скалясь, как хищник, вскинул автомат и навел ствол Бексолтану в грудь.

– Получи...

Бексолтан остановился. Пламя огня вырвалось из раструба. Очередь была слишком длинной и нервной, показывающей неуравновешенное состояние стрелка, но ни одна пуля в Бексолтана не попала. Он остановился на секунду, улыбнулся, потом продолжил сближение. Омоводец не понял, в чем дело, посмотрел на свой автомат, затем дал еще одну очередь, за ней следующую. А потом вообще нажал на спусковой крючок и выпустил весь остаток патронов. Но – только патронов, а не пуль. Гильзы вылетали на дорогу и катились под уклон, некоторые валились в пропасть вслед за машиной и вторым омовоцем, но Бексолтан остался невредим.

– Хороший боец обязан по весу оружия понимать, боевые у него патроны в магазине или холостые, – сказал Бексолтан нравоучительно, поднял пистолет и выстрелил омовоцу в голову.

Одной пули хватило, чтобы решить вопрос. Сам же Бек-

солтан вздохнул, посмотрел в пропасть, где грузовик нашел свою могилу, второго омовца с высоты не увидел, спокойно убрал пистолет в поясную кобуру на спине и двинулся вниз по дороге, которую только что преодолевал на грузовике. На следующем повороте Бексолтан вытащил трубку и набрал по памяти номер.

– Актемар! Да-да... Все в порядке. Я возвращаюсь. Вышли мне навстречу машину. Пешком далеко идти. Да хватит тебе бензина до заправки доехать. Приезжай...

* * *

Бзоу Гозарович Ахуба, подполковник Службы государственной безопасности Абхазии, в делах и поступках никогда не стремился соответствовать собственному имени². Он по характеру был всегда целеустремленным и сосредоточенным человеком и даже телом напоминал до предела сжатую пружину, готовую в любой момент распрямиться с разрушительной силой. А разрушитель не может слыть добрым. Но сильная воля подполковника не позволяла пружине распрямляться тогда, когда в этом не было необходимости, и в мнении руководства Бзоу Гозарович считался образцовым оперативным работником, хорошо понимающим, что от него требуется.

² Абхазское имя Бзоу переводится как «добрый».

Но в данной ситуации подполковник и руководство расходились во мнениях. Хотя, скорее всего, расходился он во мнениях с отдельными представителями руководства, а точнее, с прямым начальником, который взял дело под личный контроль. Впрочем, контроль этот осуществлялся, никак не минуя Бзоу Гозаровича, поскольку этот самый начальник – полковник Бакелия – полностью полагался на лояльность Ахубы. Но лояльность тоже может быть относительной.

Началось все с того, что агентура российского ФСБ через Москву шифровкой передала СГБ Абхазии данные о предполагаемом проходе через абхазско-грузинскую границу курьера, переносящего в рюкзаке за плечами триста детонаторов для взрывных устройств³. Сами по себе детонаторы опасности не представляли, но, как известно, если кому-то детонаторы нужны, то не для создания бутафорских взрывов на празднике. Шифровка об этом тоже напоминала. Причем даже участок перехода границы и время сообщались точно и даже цвет рюкзака указывался. Впрочем, при таких операциях в большинстве случаев используют рюкзаки, окрашенные в цвета камуфляжа. Тем не менее точность и конкретика данных были впечатляющими. Должно быть, российской агентуре были известны данные чуть ли не из первых рук. По крайней мере, из близких к первым. В той же шифровке давались и данные на личность курьера. Хотя в этих-то данных

³ Согласно официальным данным, этот курьер был захвачен в феврале 2012 года.

необходимости никакой как раз и не было, поскольку этот человек был хорошо известен спецслужбам Абхазии. Никто, казалось, не сомневался в том, чем он занимается, но ни разу не удавалось поймать этого человека с поличным. Это был не шпион и не диверсант, а, скорее всего, контрабандист, по мере необходимости «гуляющий» через границу. Времена СССР, когда Бзоу Гозарович начинал службу в КГБ в звании лейтенанта и когда не требовалось никаких доказательств вины, чтобы пресечь деятельность того или иного человека, и хватало одного, пусть и обоснованного, подозрения, ушли в историю, что вызывало у подполковника Ахуба основательную ностальгию, похожую на зубную боль. Он сам, лично, знал не менее десятка людей, деятельность которых была направлена против Абхазии, а перенос через границу детонаторов только такое направление, как казалось, и мог иметь, но сейчас, без каких-либо доказательств на руках, ничего предпринять против них Ахуба не мог. А работать, что называется, со связанными руками трудно. Но он не роптал и держался, стараясь в новые времена хотя бы внешне жить по законам новых времен. Что-то ему в этих законах даже нравилось. Даже самые простые методы, пользоваться которыми рекомендовали российские коллеги, как, например, подбрасывание в багаж человека наркотиков, Бзоу Гозаровичу были не по душе, и он избегал аналогичных дел. Такие методы были топорными и часто вызывали справедливый гнев и похожие ответные действия. И даже более карди-

нальные, в том числе и против членов семьи, и против родственников. А Ахуба предпочитал слыть и внешне казаться человеком достойным и даже безупречным. Он не хотел, чтобы даже враги говорили о нем плохо, а если кто-то имел основания так говорить о нем, тот долго не жил. И грязные методы подполковник порицал не просто в кругу сослуживцев, но даже перед руководством, то есть открыто декларировал свою человеческую безупречность. Хотя знал, что по ту сторону южной и восточной границ в Грузии, если кого-то заподозрят в работе на Абхазию, не побрезгуют ничем. В принципе, спецслужбы всего мира работают так. Но сам подполковник Ахуба желал бы остаться внешне честным даже на своей должности. Что вообще-то было трудно. И трудность во многом обуславливалась не только противостоянием с грузинскими спецслужбами, но и внутренним положением в Абхазии, где разные кланы и разные политические силы боролись за власть всеми доступными им методами. Но, как не однажды сам Бзоу Гозарович слышал, даже откровенные противники к нему относились с уважением и ничего лично против него не имели. Против системы имели. Но не против него. И потому человек, за которым опер республиканской СГБ присматривал, гулял на свободе непросто долго. Но наконец-то и его гуляниям пришел, кажется, долгожданный конец. Приказ руководства был категоричным: выставить засаду и попытаться задержать. Если задержание окажется невозможным, уничтожить. Однако, как

считал Ахуба, подобная акция пусть и пресечет какие-то отдельные случаи использования одного или нескольких из тех самых доставляемых детонаторов, но это не даст возможности отследить сообщников курьера. А насущная необходимость отследить курьера от места пересечения границы до места передачи груза казалась Бзоу Гозаровичу естественной. Детонаторы должны дойти до взрывных устройств, и только после этого их следовало брать, поскольку ни взрывное устройство без детонатора, ни детонатор без взрывного устройства серьезной угрозы не представляют. А, главное, они не представляют угрозы без людей, которые намереваются где-то устанавливать взрывные устройства, а потом их взрывать. Курьер шел к кому-то, и следовало узнать, к кому. Хотя подполковник Ахуба в глубине души считал, что и это он знает, поскольку обладал базой данных и на самого курьера, и на тех, с кем он обычно связывается. Осталось сделать только малое – запустить механизм наблюдения и контролировать его.

Но где-то в сложном механизме противоречий служебных и государственных интересов, с одной стороны, и, вероятно, родственных и дружественных отношений – с другой, произошел сбой всей системы. И дальше – больше: после того как подполковник Ахуба, уже получив предварительный приказ о действиях, в ответ расписал свои предложения по проведению операции иначе, как она ему самому виделась, с перспективой и новыми открывающимися возможностями,

пришел еще более категоричный приказ: просто уничтожить курьера при переходе границы. Даже не пытаться задержать, как говорилось в первом приказе, а просто уничтожить. Цель такого уничтожения была очевидна – оборвать связи курьера, которые должны были бы вывести на людей в Абхазии. И Бзоу Гозарович, хорошо понимающий все клановые и прочие механизмы, что руководят людьми, такие приказы отдающими, надолго задумался, определяя свою линию поведения. Вступать в межклановую войну он намерения не имел, хорошо зная, во что это может вылиться в современных кавказских условиях. Но и просто так упускать возможность провести успешную во всех отношениях операцию Бзоу Гозарович тоже не желал.

Подполковник Ахуба понял все и все просчитал. Он даже расписал на бумаге все возможные варианты, потому что с бумагой в руках ему легче было сообразить, в каком месте и в какой момент возможен «прокол». К тому же бумагу всегда можно сжечь, а доверять компьютеру – это все равно что самому начинать болтать за праздничным столом, когда вокруг только половина знакомых людей. Работа за компьютером – это тоже «прокол», поскольку в обиход и СГБ, и просто обывателей прочно вошли программы, открывающие даже стертые с жесткого диска файлы. А прокалываться Бзоу Гозаровичу было нельзя. Грубо говоря, дело обстояло предельно просто. Работать ему в этой операции в открытую в соответствии с планом, который он расписал и предложил руко-

водству, явно не дадут. И потому он, соблюдая свои профессиональные интересы, решил работать в закрытом режиме. То есть докладывать руководству только то, что можно докладывать, не опасаясь противодействия, и продолжать свое дело, не ставя никого в известность. Кроме того, подполковник Ахуба решил действовать на свой страх и риск, лично возглавив группу захвата, выдвигающуюся к границе. В глазах руководства это его желание смотрелось как проявление активности и ответственности. И лояльности, кстати, тоже. Но группа захвата при этом руководствовалась только указаниями, которые сам Ахуба давал, тыча пальцем в подробную топографическую карту. Эту карту он предварительно тщательно изучил. Как изучил и сам сложный участок, где курьер должен был перейти границу. И соседний не менее сложный участок, где никакого перехода не планировалось. Отправив четверых человек из группы собственных неофициальных, но от этого и более надежных, помощников для наблюдения за первым участком, сам подполковник вместе с группой захвата вышел на вторую точку, где никакого перехода произойти не должно было. И, естественно, не произошло. Ночь прошла, утром Бзоу Гозарович позвонил руководству с докладом и получил приказ подождать еще три часа, а потом снимать группу захвата и возвращаться в Сухуми. Смысла ждать вообще не было, поскольку только дурак пойдет через границу днем. Но приказ, он и в Африке приказ. Можно было подождать и подремать.

* * *

Только вернувшись в свой кабинет после доклада полковнику Бакелия, своему непосредственному начальнику, подполковник Ахуба, чуть-чуть помедлив, вытащил спутниковый телефон, зарегистрированный, естественно, не на него и номер которого никто в управлении СГБ республики, хотелось бы думать, не знал, и позвонил. Эта трубка предназначалась исключительно для связи с собственной группой поддержки, сформированной из надежных, проверенных парней. По большому счету, эта группа не была его личной группой, а являлась, если говорить языком современного Уголовного кодекса, незаконным вооруженным формированием. Сначала то есть она была законной группой разведчиков и диверсантов и обозначалась как штатная единица сил СГБ Абхазии. Это было в период войны с Грузией, и подполковник Ахуба, тогда еще только капитан, этой группой командовал. Тогда в состав входило восемнадцать человек, не считая командира. Сейчас в живых осталось только пятнадцать, из них трое больше ни в какие дела не ввязывались, предпочитая работе разведчиков заботы о собственном бизнесе и семьях, однако двенадцать человек, тоже чем-то занимаясь, были преданы своему бывшему командиру и готовы были исполнять то, что он прикажет. Конечно, если бы им предложили нацепить на плечи погоны, они не отказались бы. Но

после окончания большой войны такое предложение поступило только капитану Ахубе как кадровому контрразведчику, имеющему опыт работы в КГД советского периода. Он не отказался. Но со своими подчиненными тогда же провел соответствующую беседу. В результате сформировалась группа поддержки. И Бзоу Гозарович, когда ему требовалась какая-то нестандартная, входящая в противоречие с законами помощь, нелегально собирал группу. И, если требовалось, прикрывал действия своих парней даже на простом бытовом уровне. А это иногда тоже было необходимым, потому что, когда горячие кавказские парни имеют оружие, они иногда применяют его. И друг друга поддерживают. А это иногда опасно. Поддержка со стороны подполковника была своего рода платой за помощь. А авторитет подполковника Службы государственной безопасности был в Абхазии настолько весом, что и сотрудники МВД, и сотрудники прокуратуры оказывались под его влиянием.

На звонок Бзоу Гозаровича ответили посредством точно такого же спутникового телефона. У командиров каждой из трех групп, подчиненных Ахубе, было по спутниковой трубке. Дорого, но более безопасно, чем сотовая связь. А накладные расходы подполковник взял на себя. Пока еще мог себе такое позволить благодаря бизнесу жены. Но не мог же он «засвечивать» эти номера через официальные платежи СГБ республики, хотя штатным «стукачам» услуги сотовой связи оплачиваются из бюджетных средств.

– Слушаю.

– Ахырзаман, ты? – спросил Бзоу Гозарович.

– Я, командир, – отозвался Ахырзаман.

Этот мрачный и тяжелый голос трудно было спутать с другим. Даже в трубке эхо гуляло, словно голос раздавался из бездны. Вот уж у кого имя соответствовало своему значению⁴.

– Докладывай, только коротко.

Добавление к приказу было, скорее всего, лишним. Ахырзаман вообще от природы не умел говорить длинно. Обычно ему не хватало для длинной фразы дыхания. Но и короткие фразы были впечатляющими, потому что слова падали, будто булыжники, и заставляли иногда морщиться.

– Он прошел. Точно в указанное время. Точно по маршруту. С тем рюкзаком, – Ахырзаман говорил тяжело, и фразы его звучали даже с некоторой угрозой. Но Бзоу Гозарович давно привык к такой манере речи своего помощника.

– Очамчиру не видел?

– Предупредил звонком.

Это все обговаривалось заранее. Значит, и хвалить за звонки смежнику не стоило.

– Все. Отдыхай.

– Понял, командир.

Вздых Ахырзамана был не менее тяжелым, чем слова. Пришлось еще раз поморщиться.

⁴ Ахырзаман – конец света.

В этот раз, проводя операцию, которую, с точки зрения командования, можно было бы считать провалившейся, если не переqualифицировать ее из качества боевой в качество профилактической, подполковник Ахуба преследовал несколько целей. Изначально главная цель сводилась к тому, чтобы узнать, почему полковник Бакелия отдает такие странные с оперативной точки зрения приказы, как уничтожение курьера без попытки отследить его маршрут. Хотя и эта цель тоже не была главной. Главная сводилась к выяснению вопроса, кого прикрывает Бакелия своим приказом. Прикрывать курьера он не мог, иначе не отдавал бы приказа о его уничтожении. Значит, он прикрывал того, к кому курьер направлялся. Такой вывод напрашивался сам собой. У Бакелии близкие родственники жены остались на той стороне границы, в Грузии. Создавало это полковнику лишние трудности или, наоборот, удобства в жизни и в работе, Ахуба не знал, но знать хотел. На Бакелию давно уже косо посматривают в управлении, да и по возрасту ему на пенсию пора. Не хватает уже былой энергии, хотя опыт, конечно, есть громадный. Но одним опытом, без энергии, без внутреннего горения, большие дела делать нельзя. А если иметь возможность поторопить своего начальника, то вполне можно и его место получить, и звание, соответствующее должности, тоже. Бзоу Гозарович это хорошо понимал. Он не был карьеристом в классическом понимании этого слова, но считал, что больше, нежели полковник Бакелия, достоин его должности

и лучше сумеет справиться с руководством отделом. Сильно начальнику никогда не досаждал, но своего момента ждал.

Ахуба, как всегда аккуратный в соблюдении режима секретности, а в деле, которое он начал, аккуратный вдвойне, удалил из памяти трубки номер, по которому только что разговаривал, и набрал следующий номер. Теперь пришлось долго ждать ответа. Но подполковник ждать умел. Наконец ответили:

– Это Очамчира. Я слушаю.

– Это я слушаю, – возразил Бзоу Гозарович, слегка недовольный тем, что командир второй группы так долго не отвечал.

– Я сейчас в автобусе еду. Шумно здесь... – объяснение было удовлетворительным. В автобусе делать доклад невозможно. Да трубка «Thuraya Hughes HNS 7000» имела громкий голос, что требовало осторожности в словах и от самого подполковника, чтобы какая-то лишняя фраза не была услышана посторонним.

– В двух словах...

– Все нормально. Как и обговаривали. Встретили и проводили. Сел на машину. Машина именно его ждала. С водителем, похоже, знаком. Поздоровались тепло. Поехали сразу. Водитель, кажется, знал, куда ехать.

Куда курьер направится, знал и Ахуба. Вернее, предполагал с уверенностью в девяносто девять процентов. И именно потому направил по нужному адресу следующую свою груп-

пу. Девяносто девять процентов – это достаточная уверенность, что курьер не потеряется.

– Номер машины рассмотрел?

– Тот самый.

– Понял. Когда сможешь говорить?

– Дома будем часа через четыре, не раньше.

– Я позвоню.

Подполковник Ахуба, выполнив снова операцию по стиранию из памяти номера последнего абонента, набрал наконец следующий, завершающий номер. Константине, командир последней четверки, ответил сразу привычным своим веселым, почти беспечным тоном, что вовсе не говорило о его беспечности в делах:

– Солнце какое сегодня! Весна настоящая! Слушаю, командир.

– Он едет.

– Да, мне Очамчира звонил.

– Как расположились?

– Батал со мной в машине. Даур и Заур в доме, за компьютером. Ждем.

– Ладно. Ждите. Я позвоню позже.

Последняя четверка была лучшей в группе. Эти ребята умели делать все. Если Константине был хорошим организатором и умел мыслить в соответствии с обстановкой, и не просто мыслить, но и принимать единственно правильные решения, то Батал был откровенным и хорошо подготовлен-

ным силовиком и мог бы в одиночку голыми руками уложить десяток неподготовленных людей. Двадцатитрехлетние братья-близнецы Даур и Заур были специалистами по всяким хитрым электронным системам, начиная от подслушивающих дистанционных устройств и кончая простейшим компьютером, с помощью которого они могли взломать любой электронный адрес или целый сайт и добыть необходимые сведения. Во время войны с Грузией они были еще совсем мальчишками и пришли в отряд к капитану Ахубе вместе с отцом, позже погибшим. Отец взял с собой сыновей именно из-за их знаний и умения работать с электроникой. За семь последующих лет мальчишки подросли и возмужали и обрели запас необходимых знаний для более сложной работы. И таких специалистов не было, пожалуй, даже в самом республиканском управлении Службы государственной безопасности, хотя там специально набирали людей с нужными профильными знаниями.

Подполковник Ахуба убедился в главном – работа пошла, и он был уверен, что она даст результат. Ему самому оставалось ждать, занимаясь «текучкой», без которой работа «опера» обходиться не может. Даже при том, что компьютер во многом заменил бумажную волокиту, времени на приведение дел в строгий порядок все равно не хватало. И приходилось заниматься этим урывками, выкраивая свободные минуты. А это трудно, когда голова занята другим, к тому же очень важным...

Но долго скучать подполковнику не дали. Позвонил полковник Бакелия:

– Бзоу Гозарович, ты отдыхать не уехал?

– Я в кабинете, товарищ полковник.

– Не слишком устал после ночной засады?

– Я терпеливый.

Не говорить же прямому начальнику, что успел поспать в те часы, на которые полковник предложил задержаться засаде. Почему же не поспать, если знаешь хорошо, что никто и переходить границу в эту ночь не должен был.

– Тогда придется на выезд отправиться. Больше некому. Все в разгоне. Звонок тут поступил. В горах расстреляли машину ОМОНа. Но один омоновец спасся. Следственная бригада прокуратуры едет на своей машине, наша бригада на своей. Тебя у выхода подождут. Вернешься, сразу мне доложишь. Дело серьезное. У нас за неделю это уже шестой случай расстрела омоновцев. И все в горах, все в разных вроде бы местах, но места эти между собой связаны. Это я чувствую. Здесь есть какая-то связь. И ты присмотришь. Я прикажу подготовить для тебя материалы по всем шести случаям.

– Понял, товарищ полковник. Я готов. Еду.

Это тоже была «текучка», но, по крайней мере, не бумажная волокита. И давала возможность вырваться из-за нелюбимого письменного стола...

Над дорогой кружил одинокий орел, рассматривая скопление людей с высоты, и не снижался, поскольку добычи здесь не видел. Вообще-то в это время года орлы обычно парами летают. Но этот или еще не нашел пару, или случилось что-то с подругой, и потому парил в небе в одиночестве. Орлу бы вниз спуститься, в ущелье, там наверняка добыча нашлась бы, но глупая птица была, кажется, слишком любопытна, и поведение людей ее интересовало больше, чем добыча. Да и у самих людей пробудилось любопытство и играло.

То, что один омовец выжил, само по себе было уже чудом. Сам он рассказывал не совсем понятную историю. Сослуживец попросил перевезти вещи из деревенского дома в городской. Попросил у начальства грузовик, договорился с двумя товарищами, и поехали. На обратном пути тот самый сослуживец, чьи вещи перевозили, посадил в кабину попутчика, своего, как показалось выжившему, знакомого, а товарищей-омовцев отправил в кузов. Он их еще раньше туда отправил, когда в обратный путь только тронулись. Кабина была двухместная, и в любом случае одному предстояло ехать в кузове. Но вдвоем там как-то веселее. И на подъеме к перевалу попутчик застрелил водителя. Выстрел был слышен и в кузове. Реакция последовала незамедлительная,

тем более что машина начала задом съезжать в пропасть. Омоновцы попытались выпрыгнуть из кузова. Выпрыгивать можно было только через задний борт, потому что кузов был тентированным. Один успел выпрыгнуть на дорогу, а следом за ним выпрыгнул второй, тот, что остался жив, однако его прыжок оказался прыжком в пропасть. Причем сразу за человеком полетела с обрыва и машина. Но человеку повезло больше. Он зацепился за камень «разгрузкой». Она выдержала рывок, но затрещали, отрываясь, «липучки», на которые застегивалась «разгрузка». Омоновец висел над пропастью, боясь сильно вздохнуть, и руками вцепился в «разгрузку», чтобы она не распахнулась и не слетела с плеч. Автомат он удержать не сумел, и оружие полетело с обрыва, догоняя грузовик. Омоновец потерял счет времени и не понимал, сколько он так провисел. Однажды в сторону перевала по дороге проехала машина. Он закричал, но негромко, потому что боялся вздохнуть полной грудью. «Разгрузка» зацепилась непрочной, и казалось, что камень, удерживающий человека, готов вырваться из скалы. Но потом по дороге прошла группа мужчин из ближайшего села. Они громко разговаривали, и омоновец снова стал кричать, понимая, что это для него единственное спасение. Теперь его услышали, спустили прочную веревку с петлей, и он с большим трудом, сильно осторожничая, набросил петлю себе на тело. Пальцы не слушались, их свело от напряжения не столько физического, сколько нервного. Так его и вытащили. Но и несколько

часов спустя, во время допроса, омоновец все еще держался за «разгрузку», словно боялся, что она слетит с него.

Впрочем, Бзоу Гозаровичу показалось, что омоновец боялся чего-то другого, и хотел узнать бы, чего именно. Однако сразу что-то вразумительное сказать допрашиваемый не мог. Он все еще с трудом верил, что спасся. Когда человек в таком состоянии, из него трудно бывает что-то вразумительное вытянуть. Кто-то из подобной передряги выходит поседевшим, кто-то замкнувшись в себе. Но реакция обязательно бывает. Нужно время, чтобы она сошла на нет.

Спасители омоновца были здесь же и рассказывали то же самое. Но, естественно, только то, в чем принимали участие. Внизу, в пропасти, уже догорела машина, и теперь только чернел ее остов. Дыма уже не было, но запах гари сохранился. Однако, как сказали местные жители, попасть в ущелье, чтобы осмотреть место падения грузовика, можно было только перейдя границу с Россией и за тридцать километров от места трагедии с территории Карачаево-Черкесии углубившись в узкую и продолжительную долину, из которой предстоит еще дважды сворачивать в разветвленные ущелья, чтобы попасть к нужному месту. С другой, с абхазской, стороны прохода в ущелье не было, и спуститься на дно можно было только на парашюте. Но как потом выбираться, никто не знал. Тем не менее осмотр машины провести следовало, и сделать это требовалось срочно и без согласования с российскими властями, потому что согласование может быть дол-

гим. Хотя бы тела двух других омонцов или то, что от тел осталось, следовало бы вытащить для проведения экспертизы, которая единственно и может подтвердить правдивость спасенного. В противном случае полагаться придется только на его слова, а они вызвали сомнение. Особенно в первой части. Непонятно было, что за поездка такая на служебной машине по личным делам, непонятно было, почему при такой поездке омонцовы оказываются вооруженными и полностью экипированными, словно в бой собрались или хотя бы в патрулирование. Грузить машину, пусть даже не слишком тяжелыми вещами, не снимая бронежилета и «разгрузки» – это вообще казалось нереальным. А снимать боевое облачение, надевать его на время пути до города, потом снова снимать, чтобы машину разгрузить... Здесь было что-то нереальное, и Бзоу Гозарович испытывал сомнение, как ему казалось, оправданное.

Подполковник Ахуба вызвал вертолет, чтобы тот смог спустить следственную группу. Благо, ущелье достаточно широкое, чтобы даже большой вертолет имел возможность спокойно спуститься и не зацепиться винтами за склоны.

Вертолет прилетел быстро. Следственные бригады стали загружаться в него. Посадили туда же и омонцова. Но подполковник Ахуба, человек и от природы, и от профессии наблюдательный, заметил, как волнуется спасенный, и явно не от произошедших событий, а, скорее всего, от предстоящих...

Автомобиль обгорел основательно. От тента и деревянной обшивки бортов ничего не осталось. Впрочем, и от сгоревшей мебели не осталось ничего. Словно и не было там мебели.

Ахуба посмотрел снизу вверх, представляя, как летит с обрыва, кувыркаясь, большой и тяжелый грузовик. Если бы мебель была в кузове, часть обязательно вывалилась бы при падении. И долетела бы до низа. Но не сгорела бы вместе с грузовиком, который скалы у склона не смогли задержать, а мебель они задержали бы.

– Эй, дружище, – обратился Бзоу Гозарович к омоновцу, – а мебели-то в кузове много было?

– Полный кузов...

Смотреть в глаза омоновец мог не больше секунды, но взгляд при этом был, как у побитой собаки перед жестокосердным хозяином.

– А что ты все время за «разгрузку» держишься?

– Не знаю, товарищ подполковник. Нервы...

– Нервы... Ну-ка, вытяни руки перед собой. Прямее. Ближе одна к другой.

Омоновец послушно выполнил команду, и подполковник Ахуба защелкнул на его запястьях наручники. И никак не отреагировал на вопросительный взгляд полковника из про-

куратуры, стоящего рядом.

– Будешь сразу говорить или сначала в камере отоспишься? – спросил Бзоу Гозарович.

Омоновец сглотнул слюну, которой во рту было, наверное, очень мало, потому что голос у него стал вдруг таким, словно язык от «сушняка» потрескался:

– Буду говорить, я уже сам хотел.

– Хотеть нужно было раньше, до того как на тебя наручники надели. Но я допускаю, что и сейчас еще не поздно. Если не поздно, то подумаем еще, как с тобой поступить.

– Здесь, в кармане, достаньте, товарищ подполковник. Это не взятка. Это нам заплатили.

Ахуба шагнул к омоновцу в наручниках и вытащил из кармана под бронежилетом пять новеньких, словно только что из-под печатного станка, стодолларовых купюр.

– Неплохо платят. Боюсь только, что фальшивками. Настоящими «баксами» платят только за хорошие дела. А здесь, мне думается, хорошего мало.

Впрочем, в Абхазии, как и в Грузии, фальшивые доллары имеют почти легальное хождение и перепродаются чуть дешевле настоящих.

– Говори, не тяни время...

* * *

Полковник из прокуратуры не захотел дожидаться прибы-

тия группы захвата. Дом решили штурмовать собственными силами. Благо, людей в двух следственных бригадах хватало, и все были вооружены, и все умели обращаться с оружием. Проехав один раз мимо ворот на «уазике», сразу определили, что ворота непрочные. Значит, можно выбивать их машиной. И неожиданный штурм закончился быстро. Был произведен всего один выстрел. Из бандитов в момент штурма вооруженное сопротивление пыталась оказать только женщина, которую сразу застрелили, потому что она уже взвела автомат. Остальные просто не успели дотянуться до оружия. А потом задержанные под присмотром пистолетных и автоматных стволов «отрабатывали» хорошее к себе отношение – вытаскивали ящики из подпольного помещения, расположенного под полом скотного сарая. Купить скотину, как планировали, муж с женой, на которых и был оформлен этот дом, не успели. Сами они, уроженцы Махачкалы, жители чисто городские, даже ухаживать за скотиной не умели и тяги к сельскому хозяйству не испытывали. Скотина должна была маскировать «схрон» с оружием. Это все стало известно не из официального допроса, который пока не начали, а из простого разговора «по душам», что зашел между задержанными и офицерами следственных бригад в ожидании автобуса и настоящей группы захвата.

Арсенал в подвале оказался солидным. Кроме двадцати восьми самодельных взрывных устройств, там было большое количество гранат для подствольного гранатомета, шесть ав-

томатов, двенадцать пистолетов разных марок, снайперская винтовка Драгунова с запасом бронебойных патронов и даже самая настоящая ПЗРК «Игла-С» с двумя десятками ракет для нее.

– На большую войну собрались, ребята, – сказал подполковник Ахуба, оценивая арсенал.

– Не-а, – спокойно возразил хозяин дома, у которого только что убили жену, чем он сам был, казалось, совсем не расстроен. – Это спортивный инвентарь. Для Олимпиады заказывали. От нас в Сочи должно было уйти. Мы же не бандиты. Мы только перевалочная база.

– Взрывных устройств куча. А детонаторов я что-то не увидел, – заметил Бзоу Гозарович.

– Не привезли пока. Да мы и не в курсе, что там было. Говорю же – мы только перевалочная база. Нам и не говорят ничего. Но предупредили, что приедет «Волга» и привезет ящик с детонаторами. Бексолтан велел ящик в подвал опустить.

Подумав о том, что детонаторы через границу, возможно, доставляли как раз для этого схрона и для других, которые наверняка есть и которые теперь следует искать, подполковник Ахуба вышел во двор, вытащил спутниковую трубку и позвонил Константине. Тот ответил сразу:

– Слушаю, командир.

– Как дела, Константине?

– Вот он, курьер, вижу его. Только что прибыл. Расплачи-

вается с водителем.

– Расплачивается? Его же ждала машина. Наверняка не на попутке ехал.

– Может, раньше договорился. Может, для него кто-то договорился. Но я точно видел, как курьер ему деньги отсчитывал. Кажется, «зеленые».

– Хорошо. Продолжай работать. Не выпускай из виду. Очамчира со своей группой вот-вот подъедет. Он на автобусе добирается. Ахырзаман со своими уже должен быть в городе. Созвонись с ним, пусть подключается.

– Я понял, командир. Мы работаем...

Дом, в который приехал курьер, принадлежал главе «абхазского джамаата», ячейке международной террористической организации «Имарат Кавказ», возглавляемой Доку Умаровым. Бзоу Гозарович просчитал правильно. Курьер прибыл туда, где часто бывал. Можно было бы и плотно работать по этому дому и его хозяину, но до начала работы предстояло выяснить, какую роль во всем этом играет непосредственный руководитель Ахубы полковник Бакелия...

Часть первая

Глава первая

Костер горел прямо в снегу на опушке леса. Пучок бересты помог сухим хвойным ветками быстро разгореться, а тепла они, как любое «смолье», давали много, хотя и быстро прогорали, превращаясь в мелкие угли. Рядом с костром лежала лохматая черная собака, ничуть не смущающаяся отсутствием естественной для домашней собаки подстилки. А собака была явно домашней, о чем говорил весь ее гладкий, ухоженный вид. Но и зимний лес не являлся для пса чем-то страшным. Длинная шерсть с густым подшерстком хорошо защищала от холода, ветра и сырости. Более того, собака даже у костра не желала греться, время от времени отодвигалась от него подальше, оставляя после себя в снегу подтаявшее место.

Здесь же сидел сухощавый человек среднего роста со спокойным лицом и невозмутимым, слегка блаженным выражением на нем. На человеке был охотничий камуфлированный костюм, хотя оружия при нем не было, и вместо ружья на плече висел кожаный кофр – обычная сумка фотографа. А сама цифровая фотокамера висела на груди, показывая, что человек или только закончил съемку, или постоянно готов

снять то, что ему покажется интересным.

За спиной человека задниками в снег были воткнуты две широкие охотничьи лыжи. А вместо обыкновенных палок здесь же торчал их заменитель – сухой еловый кол, прочный и не слишком тяжелый. Ель вообще считается легкой древесиной.

Костер уже догорал. Человек просмотрел на мониторе камеры отснятые снимки, сделал еще один – снял сам костер, посмотрел и этот снимок и встал, остановив взгляд на собаке.

– Ну что, добрый друг Валдай, отдохнул? Тогда давай на речку двинем. Давно мы бобров не навещали. Они по тебе скучают. А потом уже домой...

Слово «домой» Валдай знал, видимо, хорошо и тоже поднялся, показывая свою мощную фигуру и широкую спину тренированного собачьего атлета. По весу животное было намного тяжелее и мощнее человека, и это бросалось в глаза.

Человек забросал снегом костер, но затаптывать его не стал, чтобы не поджарить валенки, и встал на лыжи. Опираясь на еловый кол, пружинистыми, хотя и легкими, без напряжения произведенными движениями заскользил по плотному насту, прокладывая лыжню, сразу из леса в поле, но вскоре круто свернул вправо и продолжил путь почти параллельно опушке леса. На лыжах по насту передвигаться человеку было несложно. Сложнее было тяжелой собаке, которую наст не выдерживал. Валдай проваливался по самое

брюхо, в отдельных местах, наверное, даже не доставая земли, и передвигаться ему приходилось мощными скачками, требующими напряжения всех мышц. Если человек таким образом часто гуляет с собакой, тогда понятно, почему пес выглядит атлетом в мире себе подобных. С таким методом передвижения можно быстро мышцы накачать, не посещая тренажерные залы.

Человек с собакой двигались неторопливо, но целенаправленно. Но уйти далеко им не дал звонок мобильного. Человек остановился, вытащил из внутреннего кармана куртки телефон, посмотрел на определитель номера и слегка вытянулся, даже ростом, кажется, выше стал. Наверное, сработала многолетняя привычка таким образом общаться со старшими по званию.

– Подполковник Кольчугин. Слушаю вас, товарищ генерал.

– Узнали? Помните номер? Похвально, Давид Вениаминович, похвально. Полтора года прошло после моего последнего звонка. Я долго номера помнить не могу, если не звоню постоянно. А мы с вами общались всего-то не больше десятка раз.

– У меня, товарищ генерал, память механическая, к тому же наследственная. В батюшку своего покойного пошел. Он у меня отменной памятью отличался. До старости «Евгения Онегина» наизусть помнил. И я... Не хочу запоминать, а запоминаю. Хотелось бы сказать: виноват, исправлюсь, но об-

манывать не желаю. Уже, наверное, не исправлюсь.

Подполковник Кольчугин понимал, что звонок генерала Кобылина вызван не желанием поболтать, но сам болтал, выигрывая время и пытаясь понять, что генералу Службы внешней разведки понадобилось от отставного офицера спецназа ГРУ.

– Я вас, Давид Вениаминович, сейчас вижу на мониторе компьютера в образе светящейся точки. Вернее, не вас, а вашу sim-карту. Точка накладывается на топографическую карту. И, насколько я понимаю, вы удаляетесь от своего дома.

– Так точно, товарищ генерал. Мы с собакой решили навестить бобров на речке.

– Наверное, это интересно, и я вам слегка завидую. Но я бы, Давид Вениаминович, попросил вас вернуться домой, если вы, конечно, не будете сильно возражать. К вам едет гость.

– Вы, товарищ генерал? – насторожился Давид Вениаминович.

– Нет. Я несколько позже с вами встречусь. Может быть, и у вас дома. Тогда, если время нам позволит, и мне бобров покажете. Не буду загадывать. Все зависит от обстоятельств. Но встречусь обязательно. Сейчас к вам пожалует гость из далекого прошлого, но которому вы будете, несомненно, рады. Вы помните майора Анзора Георгиевича Габиани?

– Конечно. Я его помню не только в звании майора, но

и капитана, и даже старшего лейтенанта, хотя тогда он не со мной вместе служил, а в соседней роте. Мы с ним одновременно взводами командовали, потом соседними ротами в одном батальоне, и только после этого я его обогнал, ушел начальником штаба батальона. Но я постарше был, и разрыв в званиях естественен – я звания раньше получал. Я буду рад его увидеть. Когда мы вместе служили, майор был хорошим человеком. Я в этом убедился в конкретных боевых и не боевых обстоятельствах. Отзывчивый, всегда готовый помочь. Вдумчивый, не суетливый. Уверен, что с годами он не стал хуже. Обычно годы таких крепких духом людей не меняют.

– Он уже стал полковником грузинских вооруженных сил. Сейчас, возможно, уже в отставке. По крайней мере, так представляется. Однако у нас есть основания полагать, что отставка его мнимая. Но это дела не меняет. Что-то он и сам вам объяснит, о чем-то вы догадаетесь, что-то мы позже сможем узнать. И вместе составим общую картину.

– Это дела не меняет, – согласился Кольчугин. – Когда Анзор Георгиевич прибудет?

– По моим данным, он уже сошел с поезда и ищет такси. Таксисты не хотят в вашу сторону ехать. Говорят, что дорога плохая, заметенная снегом. Шестьдесят километров по разбитой лесовозами дороге никого из таксистов не устраивает. Даже при хорошей оплате. Есть риск не проехать, а если проехать в одну сторону, то застрять на обратном пути. Но кто-нибудь все равно согласится. Мы тоже на всякий случай

уже выслали машину. Внедорожник. Возможно, она и повезет вашего гостя. Правда, водитель не местный, и номер у него другого региона. Но это и будет оправданием того, что он плохо знает дорогу. Наверное, согласится только тот, кто ее действительно плохо знает. Но наш водитель будет ехать по навигатору. Я думаю, к вам можно и по навигатору проехать.

Кольчугин улыбнулся самому себе.

– Я не в тайге, товарищ генерал, живу. К нам проехать можно даже по дорожным указателям. Так даже вернее, чем по навигатору. В навигаторах карты непонятно откуда взяты. Я сам уже много раз в этом убеждался. А вообще, говоря честно, Анзор мог бы и позвонить. Я бы сам его встретил. Моя машина плохой дороги боится меньше, чем хорошей. Она, честно-то говоря, для плохой и сделана, а на хорошей, если разгонишься, чувствует себя неуверенно. Особенности, так сказать, боевого характера. Наследственные гены...

– У вас, кажется, «Ренглер»?

– Так точно. Джип «Ренглер»⁵. Дизельный. Трехдверный. Классика...

⁵ Джип «Ренглер» является прямым потомком прославленного «Виллиса» времен Второй мировой войны и даже во многом сохраняет его внешние очертания. Как аналог «виллиса» были построены и советские автомобили «ГАЗ-61», «ГАЗ-64», «ГАЗ-67» и последующие их модификации. Но, вопреки устоявшемуся мнению, советские военные машины не являлись клонами американского вездехода, а разрабатывались и создавались советскими конструкторами самостоятельно.

– Хорошая, говорят, машина. Хотя я на такой не ездил. Не довелось. Я раньше больше на «уазиках». Сейчас вот к «Патролу» привыкаю. Наверное, немного лучше «уазика», хотя тоже, мне кажется, не всегда.

– Приезжайте, дам покататься. Анзору мой телефон известен?

– Этого я не знаю. И не имею по понятным обстоятельствам возможности дать ему ваш номер. Но, когда завершите с полковником Габиани беседу и проводите его, если будет нетрудно, позвоните мне, пожалуйста.

– Обязательно, товарищ генерал. Что за вопросы ко мне со стороны Анзора, вам известно?

– Скорее всего, известно, но это не телефонный разговор. В двух словах могу сказать, что это связано с вашими общими грузинскими корнями. Так, по крайней мере, будет преподносить ситуацию он. Но дело это более глубокое. Что смогу, объясню при личной встрече. Как только найдете возможность связаться со мной, позвоните. Расскажите, и о моем визите договоримся. Я недалеко. За час доберусь. Итак, до встречи, Давид Вениаминович...

На этом разговор закончился. Давиду Вениаминовичу Кольчугину, подполковнику спецназа ГРУ в отставке, почему-то было приятно общаться с генералом Кобылиным. Сам генерал Кобылин был личностью интересной. Истинный русский аристократ не только по рождению, но и по поведению, он всех, даже солдат, всегда звал исключительно

на «вы». Кольчугину пришлось работать с этим генералом Службы внешней разведки во время последней своей боевой операции перед выходом в отставку полтора года назад. И тогда Давид Вениаминович остался очень доволен сотрудничеством. Впрочем, его личное довольство или недовольство никакой роли в дальнейшей служебной карьере подполковника не играли, поскольку вопрос с отставкой был решен еще до начала операции. Но опять встретиться с Кобылиным Кольчугин уже и не рассчитывал. Однако что-то снова светло их. Знать бы что, чтобы хорошо подготовиться. Однако, как офицер спецназа военной разведки, Давид Вениаминович прекрасно понимал, что если бы все все знали, то вообще не было бы такой профессии, как разведчик. Профессия разведчика – узнавать...

* * *

В деревне, где поселился Давид Вениаминович после выхода в отставку, было всего три жилых дома помимо дома самого Кольчугина. И жили там только пожилые люди, чьи дети, перебравшись в город, не смогли найти возможности забрать родителей. Остальных стариков деревни их дети забрали с собой, и дома часто стояли даже с выбитыми стеклами или забитыми нестругаными досками окнами и дверьми. И эта деревня, как большинство российских деревень, тихо умирала. Но тем, кто еще жил там, было спокойно. А покой –

это как раз то, чего Кольчугину в жизни никогда не хватало. Просто сама жизнь и профессия не давали ему возможности пожить в покое, хотя всегда к нему тянуло. Тянуло к неторопливому и размеренному образу жизни, когда не обстоятельства управляют твоим поведением, а ты управляешь обстоятельствами. У него и жена была по характеру такая же, не стремилась к публичности и всегда мечтала жить в деревне. Правда, в деревню с мужем не поехала, но почти сразу же после его выхода в отставку ушла в монастырь послушницей, надеясь со временем принять постриг. Давид Вениаминович, как человек православный, не возражал и лишь изредка навещал жену в монастырских стенах, привозил, какие мог себе позволить, финансовые пожертвования, поскольку монастырь был полуразрушенным и бедным и только начал восстанавливаться после эпохи дикого социализма.

Небольшой бревенчатый деревенский дом с прирубом вполне устраивал Кольчугина как постоянное место жительства. И он, после того как два года прожил здесь в качестве дачника, продал с согласия жены московскую квартиру и деньги за эту квартиру тоже отдал в монастырь. Таким образом, практически обрубил жене пути возвращения из монастыря, а себе – пути возвращения в город. Но его в город и не тянуло. А жена сама давно уже была настроена продать московскую квартиру и хотя бы этими средствами помочь монастырю. Значит, никто насилия над другим в этой ситуации не проявил, и все остались довольны.

Вернувшись домой, Давид Вениаминович, ожидая Габиа-ни, решил лишь только за водой на родник сходить, понимая, что нежданного гостя угощают только тем, что в доме имеется, и не накрывают заранее стол, если не знают о приезде человека. Даже в магазин сгонять не надумал, потому что это выглядело бы уже приготовлениями человека, владеющего определенной информацией. А этого показывать нельзя, что прекрасно понимал отставной подполковник. Генерал Кобылин просто так не позвонит и не предупредит о неожиданном визитере, чтобы угодить отставному подполковнику.

Собаку Кольчугин оставил во дворе, взял пластиковую пятнадцатилитровую канистру и двинулся через огород узкой, плотно протоптанной за зиму тропинкой, лежащей между горбатыми сугробами, достигающими человеку до пояса. Зима в нынешнем году выпала снежная.

Валдай слегка обиженно несколько раз гавкнул вслед – он привык всегда и всюду в деревне следовать за хозяином, но окрика Кольчугина послушался и улегся на нешироком, в две ступени, крыльце. Как обычно, к роднику Давид Вениаминович шел тропинкой по окраинам, а возвращался по дороге, совершив круг, и уже подходил к воротам и к калитке. Еще издали он заметил чужую машину, стоящую около его дома. Это была какая-то иномарка, внедорожник. Кольчугин

прибавил шагу. Какой-то высокий человек, явно не Анзор Георгиевич Габиани, увидев его, вышел из-за машины и поторопился к нему навстречу, чуть ли не бегом.

– Вы хозяин? – спросил он издали, шагов с десяти.

– Хозяин чего? – переспросил Кольчугин. – Положения, дома или еще чего?

– Собаки, понятно.

– Собаки? Моя собака. А что?

– Собаку уберите быстрее, а то порвет человека.

– Новости какие... – проворчал Давид Вениаминович, сильно сомневаясь, что такое добродушное существо, как его Валдай, способно кого-то порвать.

Тем не менее пошел быстрее, хотя тяжелая канистра сильно замедляла движение. Но он канистру не бросил, тем более что до калитки оставалось пять шагов. А когда открыл калитку, увидел интересную картину. Прямо в сугробе рядом с дорожкой сидел, сверкая загорелой лысиной, человек, уперший в растерянности голые руки в снег за своей спиной. Лицо человека из-за опущенной головы рассмотреть сразу было сложно, зато виднелись потрясающие воображение усы, концы которых наверняка должны были бы выглядывать из рукавов, если попытаться их спрятать под одежду. По крайней мере, о майоре Габиани когда-то в спецназе говорили так. С годами его усы менее пышными и длинными не стали. А за человеком, в том же самом сугробе, стоял Валдай и нализывал ему лысину. Собака не проваливалась, как и чело-

век, потому что поверх сугроба лежал плотный снег, снятый пластами с постоянно подчищаемой дорожки.

– Валдай! Фу! Отойди... – приказал Кольчугин, и собака послушно и величественно прыгнула с сугроба и удалилась на крыльцо, где и оставил ее недавно хозяин. – И кого же он здесь порвал? По-моему, насмерть пострадавших нет?

Вопрос относился к водителю машины, который осторожно вошел во двор вслед за Кольчугиным только после того, как Валдай удалился.

– Можно сказать, я отделался легким испугом... – с сильным акцентом, но вполне внятно, и даже посмеиваясь над собой, сказал гость, поднимаясь из сугроба. – Здравствуй, Давид Вениаминович. Неласково у тебя гостей принимают. Признаюсь, ожидал более теплого приема.

И протянул руку.

– Никак Анзор Георгиевич! – Кольчугин старательно изобразил удивление. – Какими такими судьбами, ниоткуда и сразу ко мне во двор?

Впрочем, удивление ему можно было бы и не изображать, потому что сам Давид Вениаминович привык выказывать невозмутимость и спокойствие, и те, кто знал его, тоже давно к этому привыкли. Для них выражение удивления на лице Кольчугина явилось бы непривычным.

Не сильно пострадавший гость это отметил сразу:

– Ну, если уж Дато⁶ Вениаминович изволил удивиться, то

⁶ Грузинское уменьшительное произношение имени Давид.

это действительно факт, достойный удивления. Я это, я... Обнял бы тебя, но, опасаясь, собака снова бросится. И потому предпочитаю обойтись простым рукопожатием.

Он вторично протянул руку, которую Кольчугин пожал с видимым удовольствием и радостью. И эта радость его была вполне искренней.

– Так я поехал, что ли? – спросил из-за спины хозяина двора водитель.

– Я разве не расплатился? – вопросом на вопрос ответил Габиани.

– Все в порядке, – сказал водитель и круто развернулся.

Кольчугин про себя отметил, что так круто обычно разворачиваются, выполняя команду «кругом». Не хватало только того, чтобы водитель отправленной Кобылиным машины еще и к выходу двинулся строевым шагом. Но водитель это и сам, наверное, понял, потому и вышел за калитку вразвалочку. И почти сразу подал голос дизельный двигатель.

– Как ты к псу моему в лапы угодил? – отвлекая внимание гостя, спросил Кольчугин. – Он, мне кажется, всегда гостям рад.

– Просто... – отозвался Габиани. – Подхожу к калитке, вижу, на крыльце собака лежит. Не лает. Спокойная. Водолазы вообще, насколько я знаю, спокойные. Вхожу во двор...

– Это не водолаз, это чистый ньюфаундленд, – поправил Давид Вениаминович.

– А в чем разница? Я думал – это одно и то же.

– Большинство людей так думают и ошибаются. Водолаз – это помесь ньюфа, кавказской овчарки и ризеншнауцера. Но и там добрая кровь ньюфа оказалась сильнее всех других кровей, и характер у собаки остался изначальным. Потому новая порода и не прижилась. Зачем выдумывать что-то новое с прежними качествами! Ладно. Ты, как я понимаю, не на лекцию по кинологии прибыл. Входишь во двор, и что дальше?

– Четыре шага, понимаешь, сделал, и вдруг это чудище со страшным рыком бросается мне навстречу, передними лапами в грудь, вбивает меня в сугроб, надо мной проходит, чуть грудь лапами не раздавив, и сзади пристраивается. Я сижу, понимаешь, слушаю, как он дышит, и жду, когда голову откусывать начнет. А он начинает мне лысину лизать. Он что, вообще не кусается?

– Ты видел, как собаки кость едят? – с улыбкой спросил Кольчугин.

– Видел, наверное. Как?

– Сначала оближут, потом только грызть начинают. И он твою лысину за крупную кость принял. Решил сначала облизать, аппетит возбудить, а потом уж и все остальное...

Габиани шутку понял и покачал головой.

– Ну и здоров...

– Ладно, пойдем в дом, что здесь стоять. – Давид Вениаминович поднял свою канистру. – Как раз я воду с родника принес. С этой водой чай вкусный. Расскажешь за столом,

какими судьбами в наших краях оказался.

Гость вытащил из сугроба свою спортивную сумку цвета собачьего поноса, смешанного с грязью, то бишь «камуфляжа». Какие же иные цвета может предпочитать бывший спецназовец! Понятно, только «камуфляж». А в грузинской армии носят, судя по всему, «камуфляж» американский, имеющий, в отличие от российского, иную цветовую гамму...

* * *

Рано утром, когда горнолыжная трасса еще не была заполнена спортсменами и обслуживающим персоналом, три человека ползком продвигались по слежавшемуся снегу под бурой скалой, с которой на снег время от времени падали камушки и комки глинистой земли. Они не постоянно падали, по крайней мере, не падали на ползущих людей, но снежный наст был отмечен ими во многих местах. И это мешало передвижению, потому что передвижение было несколько странным на взгляд непосвященного человека.

Все трое были в белых маскировочных комбинезонах с редкими грязно-серыми небольшими по размеру отметинами. Обыкновенный зимний камуфляж. На голове у каждого была кевларовая⁷ каска, покрытая по внешней поверхно-

⁷ Кевлар – параармидное волокно, обладающее высокой прочностью (в пять раз превышает прочность легированной стали). Изначально кевлар разрабатывался в качестве материала для армирования автомобильных шин, где широко

сти белой тканью. Тоже маскировка. Каска была не простой, но представляла собой целый комплекс электронных систем, начиная с обеспечения связи внутри группы и кончая наличием персонального мини-компьютера, находящегося постоянно на связи со спутниковой метеостанцией, и радиомаяка для поиска при необходимости человека через тот же спутник или простую мобильную авиацию. Но это все не выглядело странным. По крайней мере, внешне. Станным мог показаться способ передвижения, потому что все трое не просто ползли по снегу, а ползли по индивидуальному белому, тоже маскировочному, полимерному полотну, постоянно подтягивая его под собой по мере передвижения. Внешне полотно походило на обыкновенный строительный утеплитель, было таким же пористым и пластичным. Результат

используется до сих пор. Впоследствии нашел широкое применение при изготовлении средств индивидуальной бронезащиты. Из кевлара стали изготавливать многослойные бронежилеты и каски. Учитывая разницу в весе между полимерным материалом и сталью, перспективы такого использования наглядны. В России кевларовые шлемы (каска) стоят на вооружении внутренних войск и некоторых силовых спецподразделений. Кевларовые бронежилеты применяются более широко. О надежности кевларовой бронезащиты можно говорить много. Вот только один пример. Ирак, 2004 год. На позиции отделения американской армии была брошена ручная граната. Капрал Дункан накрыл ее своей кевларовой каской и держал каску двумя руками, прижимая к земле. В результате взрыва отделение не пострадало. Сам Дункан получил несколько ранений и скончался по пути в госпиталь. Специалисты говорят, что если бы он не прижимал каску, которая из-за конфигурации нижней линии не могла быть полностью прижата к земле, а просто отскочил бы, как все, на пару шагов, то капрал остался бы в живых.

такого способа передвижения был замечен. Если бы люди не пользовались полотном, то на насте обязательно остались бы их следы, независимо от того, ползли они или шли шагом. А шершавое полотнище толщиной около пяти миллиметров не только распределяло в разные стороны нагрузку на наст, но еще и затирало даже слабые следы, словно нормальная наждачная бумага. Однако скорость передвижения при таком способе была очень незначительной, и использовать полотно можно было, наверное, только при проведении наблюдательных мероприятий, но никак не в боевой обстановке. А группа была явно боевой, потому что каждый из троих имел автоматический карабин «М-4» с подствольным гранатометом и коллиматорным прицелом.

Ведущий в группе пользовался полотнищем более умело, чем двое его товарищей, и потому, чтобы их дождаться, ему приходилось время от времени останавливаться. Но попусту время он не терял и во время остановок просматривал все пространство склона впереди с помощью большого и тяжелого бинокля, оснащенного тепловизором.

– Первый, я – Третий, – по-русски, но с заметным кавказским акцентом сказал один из отстающих. – Я вчера смотрел. Если нам взять левее, мы сократим путь метров на сорок. Там, правда, будет один крутой участок. Но спуститься можно без проблем. Я по таким участкам и сам ходил, и людей водил. Правда, пешим ходом.

Система связи работала идеально. Она не заставляла лю-

дей напрягать голос. Чуткий микрофон улавливал не только речь, но и дыхание бойцов. И дыхание каждого, затрудненное способом передвижения, сливалось в общее дыхание группы. Складывалось впечатление, что это дышит какое-то большое сильное животное.

– Я – Первый. Запрещаю. Я вчера присматривался. Во время движения легко со стороны нас там заметить, охранники трассы бдительны. Сколько раз объяснял вам. Вдалеке даже одетого в черное, но неподвижно стоящего человека не заметишь. А если человек в белой одежде будет двигаться, заметишь сразу.

– Я – Второй. Первый, объясни... А зачем вообще на трассе охрана? – спросил третий член группы с таким же точно акцентом, как и у его товарища.

– Сколько до Олимпиады осталось?

– Два года.

– Вот эти два года зимой всегда будут охранять. Летом тоже будут, но не так внимательно. А зимой – обязательно.

– Это я и сам вижу. А зачем?

Командир группы снова замер с биноклем, потому что его товарищи отстали за разговором метра на четыре. И смотрел, на сей раз, в одну сторону.

– Ползи ко мне ближе. Я тебе покажу... – Командир поднял бинокль, объясняя, что без бинокля Второй едва ли что увидит.

Второй, приближаясь к Первому, стал двигаться энергич-

нее. Третий тоже старался не отстать и торопился, как и Второй. Они заняли позицию справа от командира, ближе к скале. Он протянул им бинокль, показывая пальцем направление осмотра. Сначала очень долго смотрел один, потом еще дольше другой.

– Кто это? – спросил Третий.

– Похоже, среди нас выросла и процветает здоровая конкуренция, – с усмешкой заметил Второй. – Эти парни ползают на таких же матрацах, как у нас, и в таких же костюмах. Только, кажется, касок нет. Но под капюшоном сразу и не разберешь.

– Молодцы, соображаете, – хмуро одобрил командир. – Если бы американские солдаты соображали хотя бы наполовину, как вы, война в Афганистане давно бы победно закончилась. Но в данном случае вы ошиблись. Эти парни впереди – не военные, хотя носят стандартную одежду НАТО и пользуются натовскими средствами стирания следов на насте. Из чего могу сделать вывод, что это представители какой-то из стран – участниц НАТО. Учитесь соображать, парни. От ваших выводов всегда будут зависеть ваши последующие действия. А чтобы соображать, необходимо иметь соответствующий интеллект. И именно интеллект позволяет мне знать, что перед проведением каждой Олимпиады начинает работать спортивная разведка. Знаете, что это такое?

– И такая существует? – удивился Второй.

– Существует. И даже очень неплохо финансируется. Ино-

гда бывает, что финансируется сразу несколькими странами. Мне тоже однажды предлагали заработать на подобной операции. Причем заработать крупно, поскольку оплатить работу обещали сразу четыре страны. Понятно, что все они о намерениях других не знали. Как это делается? Собирается группа, обычно состоящая из военных отставников, специалистов по разведке. Предлагает свои услуги какой-то спортивной федерации. Торгуются, сходятся в цене. Так же и с федерациями других стран. Задача простая и законом ни одной страны не наказуемая, поэтому операция безопасная, если только охрана объекта не любит поработать кулаками. Бывало, что спортивных разведчиков избивали и калечили.

– А что здесь разведке делать-то? – не понял Третий.

– Ребята, спортом заниматься надо! Или хотя бы интересоваться! Современный спорт – это не просто игра. Это большие деньги. И все хотят на этом заработать. Кто проводит Олимпиаду у себя, тот получает преимущество. Соперники не знают состава снега, не могут подобрать мази для лыж, не могут правильно заточить коньки под конкретный лед. И множество еще таких же тонкостей, которые постороннему недоступны. А победа – это, повторяю, престиж, репутация страны и большие деньги. Ну, и медаль. И потому существует разведка. Вон те четыре парня, что лежат вдалеке и ждут, когда охрана удалится, будут брать пробы снега с горнолыжной трассы, чтобы определить состав. Снег ведь везде разный. А зная состав снега, можно лучше подготовиться и по-

том добраться до пьедестала. Я для того и таскаю вас сюда третий день, чтобы посмотреть, как этих олимпийских разведчиков будут отлавливать. А отлавливать их должны. По моим данным, в систему охраны вложены большие средства. Вот мы и посмотрим, как их поймают, а потом сами постараемся на том же не попасться. Они для нас служат пробным шаром. Уловили задачу?

– Первый, а откуда ты узнал, что эти разведчики появятся здесь именно сейчас?

– Все разведки мира, в общем-то, имеют «засвеченных» сотрудников. Если сотрудник «засвечен», его уже трудно использовать. Значит, пора в отставку. И в каждой разведке существует каталог «засвеченных» разведчиков разных стран, чтобы иметь возможность их использовать. Я предварительно подготовился к нынешней нашей операции. И уже знал, кого искать. Эти люди вчера появились. Два дня мы искали место, откуда сможем увидеть картину их задержания. Сегодня мы пошли полюбоваться уже на сам процесс. Это я вам в качестве обучения открываю секреты. Чтобы хотя бы в теории знали систему подготовки к операции.

Полковник вздохнул. Пусть его нынешние курсанты и не самые интеллектуальные люди, но схватывают они все сразу и понимают его быстро. С ними полковник Валентино Мартинес готов был пойти на самую сложную операцию, на которую не рискнул бы идти со своими соотечественниками, прошедшими только такой же подготовительный курс. Эти

были воины по крови и по мышлению, они были дерзкими и бесстрашными. Они не заботились о том, что будет позже, а думали, как выполнить поставленную задачу.

* * *

Трое ползунгов преодолели еще около ста метров. Ушел у них на это почти час. Полковник Мартинес часто поднимал бинокль к глазам.

– Первый, эти так и лежат без движения? – с легкой усмешкой спросил Второй на середине пути. Переговорное устройство работало настолько хорошо, что даже оттенки голоса передавало без искажения.

– Лежат. И не шевелятся, – серьезно ответил полковник.

– Как только не замерзнут...

– Если уже не замерзли, – авторитетно сказал Третий. – Столько времени лежать без движения... Уже в ледышки, наверное, превратились. Только тронь, зазвенят. И зазвенят, когда их охрана обнаружит. Тогда уже поздно будет помогать. Я человек не злой, но лично я бы разбудил их. Застрелить человека всегда легче, чем дать ему вот так замерзнуть. Это для меня лично.

– Ты не прав, Хамид. – Мартинес проявлял в разговоре терпение. – У них натовские термокостюмы с подогревом. На поясах за спиной аккумуляторы висят, я видел. Знаю я такие аккумуляторы. Термокостюм не позволит даже насморк

подхватить и прогревает все тело до естественной температуры тридцать шесть и шесть десятых градуса. А то, что не шевелятся, – это правильно. Это только говорит об их высокой квалификации разведчиков. Они вычисляют периодичность прохождения охранников. Когда вычислят, тогда и шевелиться начнут. На этом их и накроют, я думаю.

– Ближе подползем, и мы вычислим, – согласился Второй.

– И другое вычислим, – подвел итог полковник Мартинес.

Подползли они через полчаса. И заняли позицию, которую занимали до этого два утра подряд. Позиция отлично подходила для наблюдения. Вот для действия – нет. Но действовать они намеревались только через несколько дней и потому не торопили события. Полковник Мартинес любил повторять, что успех любого дела зависит от правильного планирования. При правильном планировании и точном расчете малыми силами можно выполнить самую сложную задачу.

И уже на месте, когда они сами начали наблюдение, полковнику позвонили на спутниковый телефон. Разговор велся едва слышно и на английском языке, которого ни Второй, ни Третий не знали. Да они и не прислушивались.

– Мистер Валентино, объект прибыл. Расположился, как я и говорил, в шестом корпусе базы. С ним два человека, но это, мне кажется, не охрана. Я специально присматривался. Не похожи на охранников, которых я много повидал. Настоящих. Эти разместились в комнатах по другую сторону ко-

ридора, чуть дальше. Скорее всего, это просто его друзья или сослуживцы, которых объект хочет приучить кататься на лыжах, для компании. Пока они явно не лыжники. Сам объект тоже не мастер, но рядом с ними хорошо выглядит.

– Спасибо. Я понял. На сколько дней он прибыл?

– Я сам оформлял ему путевку. На двенадцать дней. День прибытия и день отбытия считается за один день. Это стандартный срок. Все путевки такие.

– Хорошо. То, что я просил...

– Я все сделал. Эту штуку я прикрепил под столешницей письменного стола. Туда горничная заглянет в последнюю очередь, когда отдыхающие уже уедут и будет генеральная уборка номера. Я до горничной успею снять. Горничную тоже я обычно посылаю. И номер при отбытии сам принимаю. Так по нашему графику работы получается: если я кого-то заселяю, я же его и провожаю. Значит, и этого провожу тоже.

– Спасибо. Продолжайте наблюдение. Отмечайте весь график передвижений объекта. Куда ходит? В какое время? Не всегда же он на лыжах...

– Я уже начал составлять такой график.

– Я сегодня к вам, Арсанак, загляну. Скорее всего, в середине дня. Поговорим.

– Хорошо, мистер Валентино. Я буду ждать. У меня смена уже закончилась. Буду дома.

Полковник отключил трубку. Его собеседник был простым информатором, завербованным полковником совсем

недавно. На спортивной базе он занимал должность дежурного администратора. В России странное использование должностной терминологии. Для американцев само слово «администратор» уже значимо и, как правило, дает человеку определенный высокий социальный статус. В России же это просто мелкий менеджер. Но мелкие люди часто бывают самыми незаменимыми помощниками, как хорошо знал Мартинес из личного опыта более чем двадцатилетней работы в ЦРУ. И чем менее значим человек, тем легче бывает его завербовать. Любая вербовка уже предполагает, что она повышает самооценку человека. Это полковник знал хорошо, но своих подопечных из боевой группы он этому не учил. Для них он был полковником корпуса морской пехоты США, никакого отношения к ЦРУ не имеющим. Впрочем, они и с полковником ЦРУ, скорее всего, работали бы так же охотно, как работают с полковником корпуса морской пехоты...

* * *

Разговор завершился вовремя. В этом полковник Мартинес убедился сразу после того, как поднял бинокль. Да и Второй, обладающий таким зрением, что мог обходиться без бинокля, подсказал:

– Зашевелились наши ледышки...

Группе Мартинеса с их точки наблюдения не было видно большую часть маршрута, по которому охрана олимпийской

горнолыжной трассы совершает обход. И потому приходилось следить за второй группой наблюдателей и ориентироваться по ее реакциям. С одной стороны, в таком положении была своя выгода. Группа Мартинеса оставалась недостижимой и для взглядов охраны. С другой стороны, прохождение охраны тоже хотелось видеть. Но здесь полковник преследовал свои интересы. Он точно знал адрес фирмы, которая поставляла на олимпийский комплекс охранные системы, и знал, что опасаться следует не самих охранников, а этой системы. А вот ее-то увидеть он надеялся. Правда, готов был для этого и точку наблюдения сменить. Попросту говоря, лучшую точку наблюдения сейчас занимала вторая группа. И, как только она уйдет со своей позиции, полковник намеревался двинуться туда со своими помощниками, чтобы объяснить им преимущество высокотехнологичного военного оборудования перед всеми другими системами. Простой урок на будущее. Ребятам это пригодится, когда самого Мартинеса здесь уже не будет. У него самого и у вверенной ему группы, в принципе-то, совершенно разные задачи. Хотя помощь группы и ему всегда может понадобиться.

В бинокль было отлично видно, что тот из передней троицы, кто лежал посредине, что-то отмечает в «планшетнике». А вот это уже, как посчитал полковник, очевидный прокол. Лист бумаги всегда можно выбросить и незаметно уничтожить. А компьютер просто так не выбросишь. И данные из него вполне могут стать доказательством злонамеренных

действий. Конечно, по закону наказать олимпийских разведчиков не смогут. Ни в одной стране мира нет таких законов. Есть законы против промышленного шпионажа, а вот против спортивного только еще вырабатываются в отдельных странах. Тем не менее, если эта разведгруппа попадется, то можно будет ожидать усиления режима охраны. А это другим не на руку.

Впрочем, сам полковник Мартинес хорошо знал психологию охраны. Он даже проходил специальный курс по этой дисциплине. И, согласно теоретическим выкладкам специалистов, в первые три-четыре дня после провала первой группы у любой охраны следует ждать расслабления. Как правило, шпионские группы не ходят толпами. Произведут задержание с конфискацией проб, олимпийских шпионов выставят за пределы страны или хотя бы за пределы охраняемой олимпийской зоны, и после этого охрана некоторое время будет почивать на лаврах победителей. Это самый подходящий момент для работы следующей группы. И Мартинес намеревался таким моментом воспользоваться.

– Внимание, – полковник снова включил переговорное устройство. – Приготовились. Они сейчас двинутся вперед, мы выходим на их место и будем наблюдать за их провалом.

– Они так хорошо готовились, такое терпение проявили, – сказал Второй. – Просто жалко будет, если провалятся. Что здесь за охрана. Я вчера рассмотрел их на базе. Впечатления не производят. Бывшие менты...

– Нет, Бексолтан, это не менты, это бывшие офицеры спецназа внутренних войск. Из тех, которых у вас в стране называют «краповыми беретами». Я слышал, что они хороши в задержании. Посмотрим, как сработают. Надеюсь, что вас задержать не смогут. Если вы, конечно, сами не «подставитесь», – Мартинес с трудом выговорил последнее, не слишком «удобное» для него слово. Он вообще все слова делил на удобные и неудобные. Удобные – это классическая речь. Неудобные – это разговорная речь с примесью жаргона.

– Посмотрим, – согласился Второй. – А откуда такая уверенность, что группа провалится?

– Из данных, которые я собрал. У меня налажена давняя связь с фирмой «Visonic» из Израиля. Именно «Visonic» поставляла сюда охранные системы. Эти парни надеются встретиться только с визуальным наблюдением. Лично охранники и видеоконтроль, который не в состоянии все охватить. Это они прошли бы. Но они не знают, с чем им предстоит встретиться. И нам впоследствии. Но мы-то знаем. Я лично знаю и вам покажу. Научу работать. Это то, что мы должны будем найти и обойти. Вернее, вы должны будете обойти, потому что на самую операцию вы пойдете без меня. Но как обходить охранную систему, повторяю, я покажу. Все. Вперед. И поторопимся, чтобы успеть вовремя.

Полковник Мартинес опять поймал себя на мысли о том, что он всегда предполагает, что неудача может ждать кого-то, но только не его. Знал за собой такую дурную привычку.

ку. Но ничего поделать с ней не мог. В себе он был уверен...

Глава вторая

– Случайно ко мне или специально? По какому поводу старика вспомнил? – поинтересовался Давид Вениаминович, разливая чай по чашкам. – В наши-то годы просто так, чтобы навестить, уже редко ездят. Чаше сугубо по делам.

Конечно, двум бывшим офицерам спецназа военной разведки полагалось бы пить чай из армейских больших металлических кружек, но таковых в доме Кольчугина не оказалось. Да и пьют из таких кружек чаще не чай. Габиани в этом вопросе быстро сориентировался.

– Может, вместо чая еще что-нибудь? – не ответив на вопрос, предложил гость. – Я чачу с собой привез. Настоящая. По десятку рюмочек... Как?

– Как можно, Анзор Георгиевич! Великий пост. Я стараюсь, по годам положено, грехи свои замаливать. Не знаю, как ты, а я свои грехи ощущаю на физическом уровне. Рана старая ныть начнет, и следом за этим воспоминания лезут. И в первую очередь не самые радостные. И пост вот держу. На исповедь езжу. Причащаюсь регулярно. И тебе советую. Ты, помнится, православным христианином был.

Грузия, насколько помнил Кольчугин, приняла христианство еще в четвертом веке и вообще была второй после Армении страной в мире, сделавшей христианство государственной религией. И православные корни сидят в грузинах

крепко.

– А кто сказал, что чача – продукт животного происхождения? – вскинул на лоб брови от удивления Габиани. – Впрочем, настаивать не буду. Я сам теперь только изредка себе позволяю. Чай, так чай...

– Ты мне на вопрос не ответил, – настаивал на своем Кольчугин. – Какими судьбами в наших краях? Случайно или по делам?

– Случайно по делам, – расплывчато, но многозначительно ответил Габиани. – Долго думал, кто мне помочь сможет. И никого, кроме тебя, вспомнить не смог. К одному, к другому обратился, но с трудом нашел-таки твой адрес. Забрался ты в такую глушь...

– Для того и забирался, чтобы подумать можно было в одиночестве и без суеты о своей жизни. Чтобы не мешал никто, – сказал Кольчугин и тут же спохватился, опасаясь, что своими словами обескуражит гостя, которому требуется помощь не спящего спокойного пенсионера, а наверняка человека действенного и с боевой подготовкой, и этим оттолкнет от себя раньше времени, не успев ничего узнать. – Но честно признаюсь, общества мне часто не хватает. Тоска нападает, что-то срочно делать хочется.

Вообще-то это было неправдой. Своей отрешенностью от суетливого внешнего мира Давид Вениаминович несколько не тяготился. И даже не потому, что всегда был человеком самодостаточным, а просто ему нравился такой ритм жизни,

резко контрастирующий со всем предыдущим.

– Тогда, боюсь, мои надежды на твою помощь могут оказаться пустыми, – вздохнул Габиани.

– Ты рассказывай, а потом решим, что пустое, а что можно и обсудить. Я в помощи посторонним никогда не отказывал. А уж друзьям тем более. А я так понял, тебе помощь нужна, если уж до меня добрался, серьезная. Давай обо всем по порядку. Для начала скажи, откуда пожаловал.

– Сейчас с Украины. Еще одного старого друга найти хотел, но не успел. Умер месяц назад.

– Кто?

– Подполковник Дериватько.

– Петро Лексеевич?

– Он самый. Ты его разве знал? Он не из нашей бригады.

– Знавал. Жалко человека. Хороший воин был.

– Мы с ним вместе в Афгане служили. Лейтенантами.

Давид Вениаминович закивал головой, соглашаясь со старой истиной, что никому не миновать уготованной для всех участи перехода в мир иной.

– Что с ним случилось?

– С кем-то не поладил. С какими-то политическими бандитами. Застрелили. Украинская политика – дело даже более крутое, чем политика грузинская. Там разговор короткий. Раз – и нет головы у человека. Однако не наше дело политика. Не надо ему было в это грязное болото соваться. Шел по улице, из проходящей автомашины – автоматная очередь.

Три пули в голову. И вся политика...

Кольчугин плечами пожал, не высказывая своего отношения к этому вопросу.

– А на Украину прямиком из Грузии приехал, – продолжил Габияни. – Как там твоя родня у нас поживает? Давно не виделся?

– Лет двадцать. Раньше переписывались. Сейчас как-то и переписка прекратилась. Звонили как-то, на похороны звали. Тетка умерла. Но пока меня нашли, поздно было уже ехать. Без меня похоронили. Только послал соболезнования.

– А жена-то как? Марина, если мне память не изменяет.

– Мария. Она сейчас в монастыре. Пока послушницей. Надеется на постриг.

– Значит, ты один...

– С Валдаем.

– А сыновья где?

– Служат. Старший прошлым летом приезжал. Младший выбраться не может. Добираться дольше, чем отдыхать. Он на Камчатке. Пограничник. Не каждый год «на материк», как они говорят, выбирается...

– А старший где?

– Миротворческий контингент. В Южной Осетии.

Кольчугин предполагал, что такое сообщение может не понравиться даже отставному полковнику грузинских вооруженных сил, тем не менее не посчитал нужным скрывать. Тем более, подозревал, что Анзор Георгиевич это может и

знать. Если Габiani ехал с определенной целью, то вполне мог к поездке подготовиться основательно и навести соответствующие справки. Хотя бы для того, чтобы не совершить в беседе очевидного «прокола».

– Рядом с нами, – Габiani не сказал «у нас», хотя в Грузии по-прежнему считают Южную Осетию своей. Видимо, не хотел обострять отношения в момент, когда собирался попросить помощи. – Тоже грузинские корни чувствует? Или нет?

– Я за него не решаю и не знаю, что он чувствует.

Грузинские корни Кольчугина сводились к национальности его матери Мзии Автандиловны, которая с самого детства воспитывала в троих своих детях, двух дочерях и сыне, любовь к горам Грузии, к ее культуре и народу. Еще в советские времена Давид Вениаминович раз десять ездил отдыхать в Грузию к родственникам матери. Сначала вместе с самой Мзией Автандиловной, после ее смерти и со своей семьей, однако поездки прекратились после того, как стали опасными. Подполковник Кольчугин участвовал в составе российского спецназа при штурме дворца президента Гамсахурдиа и во время приведения к власти президента Шеварднадзе, и его участие каким-то образом стало известно современным грузинским спецслужбам. По крайней мере, родственников Давида Вениаминовича в связи с этой информацией многократно вызывали на допросы. При нынешнем грузинском режиме такие вещи могли не простить.

Знал об этой грузинской командировке Анзор Георгиевич

Габiani или не знал, сказать было сложно. Скорее всего, не знал, иначе, вероятно, и не поехал бы к Кольчугину. Хотя дать на этот вопрос однозначный ответ было практически невозможно.

Габiani пил чай маленькими глотками, пил без сахара, со сладким печеньем.

– Ты в отставку, кажется, майором вышел?

– Из Российской армии ушел майором. В грузинскую пришел сразу подполковником. С таким условием и пригласили. Потом и до полковника дослужился. Пока из армии не попросили.

– Не поладил с кем-то? Или просто чистка всего российского?

Габiani энергично закивал, отчего усы его заколыхались грустной волной.

– Первое. Не поладил. С американскими советниками. Раскритиковал их систему подготовки наших командос. И формирования, и подготовки, хотя формированием занимались не американцы, но люди, тесно связанные с американцами. Я предлагал прекратить практику формирования личного состава из уголовников и желал ввести систему подготовки по проверенной методике спецназа ГРУ. А у америкашек при отборе личного состава все упирается в тест Купера. Я считаю это глупостью несусветной. Знаешь, что это такое?

– Если память мне не изменяет, а изменяет она редко, американский доктор Купер где-то, кажется, в 1968 году, под-

готовил тесты для набора бойцов в американскую морскую пехоту специально для отправки во Вьетнам. Тест на определение выносливости. Бег на 12 минут, плавание на 12 минут, езда на велосипеде на 12 минут. И выработал нормативы для возрастных групп. Укладываешься в норматив, значит, годишься. Глуповатая система, но в американской армии она, кажется, до сих пор функционирует. Я читал, как все проходило на этапе внедрения. Конкурсантам не сообщали, с какой целью проводится тестирование, но такое молчание могло пройти только на первичном исследовании, потом же, если учитывать нежелание простых американцев найти себе могилу во вьетнамских болотах, с тестами произошел полный провал. Американское общество пришло к мнению, что нация повально страдает дистрофией. Не помню, чем все закончилось, но для пополнения личного состава планировалось проводить тестирование среди заключенных с длительными сроками. Служба во Вьетнаме должна была сократить их срок или даже списать его полностью. После Вьетнама тестирование, кажется, стали проходить сначала эмигранты из латиноамериканских стран, желающие получить американское гражданство по окончании службы в армии, а потом и все остальные. Хотя упор на этот тест, и на мой взгляд, тоже дает сомнительное представление о кандидате в любой спецназ. Оценка способностей слишком узкая и дающая мало действительных характеристик человека.

– Вот-вот. Ту же систему американцы, как обычно, считая

по великой своей глупости, что у них все самое умное и лучшее, пытаются внедрить у нас. А в высшем руководстве страны перед всем американским поклонение почти священное. Потому меня никто не стал слушать, сначала просто отодвинули от дела, потом и вовсе, грубо говоря, «задвинули». В дальний ящик стола, так, кажется, это называется. Не нужен стал. И это с моим-то опытом...

– Ситуация понятна, – согласился Кольчугин. – В иной интерпретации, но и у нас такое встречается.

Габиани добродушно усмехнулся.

– Ладно, не будем эти вопросы обсуждать. Я вообще-то не за тем прибыл.

– Вот-вот, наконец-то слышу разумные речи. Итак, Анзор Георгиевич, зачем ты прибыл? Давай уж сразу к делу, по-армейски, как мы привыкли. Я так понимаю, что нужна моя помощь. Чем я могу тебе помочь?

– Сын... Сын мой старший...

– Тенгиз? – спросил Кольчугин, и в памяти его выплыл образ кудрявого худощавого паренька, слегка угловатого и застенчивого.

– Помнишь его? Тенгиз... Капитан Тенгиз Габиани. Он с этими американцами, как я думаю, в беду попал. Или близок к тому, чтобы в беду попасть. А я этого допустить не могу.

– Конкретнее. Где он?

– По эту сторону границы.

– Так. Это уже становится интересно...

Молчали они долго, переваривая сказанное. И чай не трогали. Если бы пили чачу, разговор, возможно, оказался бы более оживленным. Но обошлись без чачи.

– По эту сторону границы... – повторил Кольчугин в раздумье. – Но у Грузии, согласно нашим российским понятиям, есть граница с Россией, есть граница с Абхазией и есть граница с Южной Осетией. Это все не считая границ с другими странами. Я только ваши северные границы считаю. Во всех трех вариантах будет по эту сторону границы. Где конкретно?

– Да в России же, – отчего-то рассердившись, сказал Анзор Георгиевич.

Пес, лежащий в дверном проеме, поднял голову и заворчал. Валдай не любил, когда разговаривали на повышенных тонах или жестикулировали, и всегда на это реагировал. Анзор Георгиевич посмотрел на собаку и опустил голову, словно бы в усталом отчаянии, хотя отчаиваться ему пока было не от чего. Единственная причина внешнего расстройства могла сводиться к тому, что в Грузии по-прежнему считали и Абхазию, и Южную Осетию своими территориями, а северной границей считали только одну границу с Россией. Но на это должны были реагировать политики, а никак уж не хорошие старые друзья. Тем более, боевые друзья.

– Это уже становится интересно... – повторил Давид Вениаминович произнесенную ранее фразу. – Хотя я, признаться, не слышал, что где-то на нашей территории воюют грузинские командос. Наверное, это вопрос не моей компетенции, иначе я что-то услышал бы.

– Ладно, Давид Вениаминович, – словно бы спохватился Габиани. – Давай, я все по порядку расскажу. Потом уже будешь решать, где твоя компетенция, где не твоя. Короче говоря, у нас в вооруженных силах моими стараниями был поднят вопрос о системе подготовки командос. Я выступал против американской системы как против устаревшей и не отвечающей современному уровню. Там есть, конечно, моменты, которые по уровню современности намного российский спецназ обгоняют. Я говорю о системе вооружений и личной экипировки каждого бойца. Этого у американцев не отнять. Но, как карабин М-4⁸ не может конкурировать с «калашом» до тех пор, пока он не оснащен всякими электронными прибабасами, так и общая система американ-

⁸ Американский карабин «М-4» создан на базе американской автоматической винтовки М-16 и содержит в себе все характерные недостатки этого оружия. Короткий ход затвора гарантирует скопление в рабочих отсеках пороховой копоти, и карабин обычно заклинивает после отстрела 10 магазинов. Точно так же как «М-16», карабин излишне подвержен воздействию окружающей среды и часто выходит из строя в разгар боя. По заказу штаба командования специальных операций на базе карабина «М-4» было создано несколько модификаций. Например, укороченная версия «Мк-18» CQBR (Close Quarters Battle Receiver) и снайперская винтовка «Мк-12» SPR (Special Purpose Receiver). Но все они сохранили принципиальные недостатки своих предшественников.

ской подготовки спецназа выглядит детской в сравнении с подготовкой спецназа ГРУ. Но кое чем американцы все же берут...

– Чем? – напрямую спросил Кольчугин.

– Они используют в тренировках стероиды. В частности, тестостерон. Это я точно знаю. Тестостерон на тридцать процентов повышает силу, выносливость и агрессивность. Хотя я не знаю, относится он к стероидам или еще к чему-то подобному?

– Я тоже с этим не сталкивался. Кажется, это мужской гормон, являющийся сильным стимулятором агрессивности и боевой активности. Кстати, стимулирует еще и рост волос. – Давид Вениаминович посмотрел на загорелую лысину гостя, тот улыбнулся и погладил себя по темечку.

Сам Кольчугин в ответ погладил себя по полностью седой, коротко стриженной голове.

– Я как-то с молодости с этой штукой сроднился, – сказал Габиани о своей лысине. – Привык и уже другого не желаю. Впрочем, Тенгиз из-за своей лысины страдает. Он рано лысеть начал. Кажется, раньше, чем я в свое время. Может, ему поможет. Но, если и не поможет, привыкнет. Я же привык...

– И правильно. Но мы, кажется, не о желаниях беседуем.

– И о желаниях тоже. Я, в частности, желал сам воспитывать своих солдат. Хорошо воспитывать, качественно готовить. И без американских штучек. А мне это не дают. У меня тоже немало друзей в командовании. Меня поддержива-

ли. Но американское влияние было слишком велико, и перебороть его можно было только высшей государственной властью. А высшая власть была не на нашей стороне. Тем не менее кое-что нам сделать удалось.

Габиани выдержал артистическую паузу.

– Ты продолжай, продолжай... – проговорил Кольчугин.

– Главное я уже сообщил. Главное, что группа американского инструктора на вашей стороне. Осталось рассказать тонкости. Я, конечно, мог бы и просто послать сообщение, скажем, по электронной почте в адрес вашей ФСБ. С чужого, понятно, компьютера. Но я не ставлю перед собой такую задачу – стать предателем. И именно потому приехал к тебе. Знаю, что ты был человеком в спецназе влиятельным, к тебе прислушивались, тебя уважали. Надеюсь, что и сейчас тебя не забыли. Пойми меня правильно. Я не просто сдаю группу американца, потому что меня из-за противостояния с ним отправили в отставку. Я не мстительный человек. У меня другие цели. С этой группой наблюдателем пошел мой сын. Он должен составить отчет. Насколько я его знаю, отчет он будет составлять объективный, невзирая ни на что, невзирая на наше противостояние с американцем. Тем не менее я считаю, что группу вскоре «накроют» и без меня. А сына своего я очень хотел бы вытащить из этого дела. Это условие, которое я ставлю. Если договоримся, я дам координаты и еще кое-какие данные, касающиеся их деятельности. Группа настроена на серьезную диверсию, которую легко посчи-

тать террористическим актом. Потому я сам считаю вопрос серьезным.

– Что за группа?

– Коммандос, как у нас их зовут. По-вашему, это будет спецназ. По профилю деятельности – диверсанты. По национальности – представители разных народов Северного Кавказа. Из этнических грузин там только один, как я сказал, капитан Тенгиз Габиани. И еще есть американец. Не негр, кстати, потому сразу его не выделишь. У нас есть еще несколько инструкторов – вот те чистокровные негры. Но не приведи Господи, их так в глаза назвать. Негр для них – страшное оскорбление. Они сами себя называют афро-американцами. Мой противник, повторяю, не негр, по-моему, латинос. Но таких в США море. Внешне, однако, его можно принять за кого-то из представителей ваших национальностей. По-русски разговаривает чисто. По-грузински внятно, но словарный запас у него маловат. Языков народов Северного Кавказа не знает.

– Зовут его...

– Полковник Валентино Мартинес. Корпус морской пехоты США. Старший инструктор.

– Хорошие данные, – спокойно отреагировал на сообщение Давид Вениаминович. – Но ты сам понимаешь, что мне потребуется время для того, чтобы дать тебе ответ. Не мне давать тебе гарантии безопасности твоего сына. Рылом, как у нас говорят, не вышел и ничего обещать не могу. Мне необ-

ходимо доложить командованию. Оно, как полагается, посоветуется и через день даст решение.

– Как докладывать будешь? – строго спросил отставной грузинский полковник, не забывающий о конспирации. – На телефон надежды мало.

– У меня трубка «Блекберри», она с шифратором работает. Но, чтобы не прослушали, нужно и на другом конце такую же трубку. Потому вынужден буду в Москву съездить. Шестьсот километров в один конец. Не близко. Но для старого друга...

– Спасибо, Дато Вениаминович.

– Спасибо будешь говорить потом, когда все благополучно закончится. Где ты будешь меня дожидаться? Здесь?

– Я бы уже сегодня с вечерним поездом в Москву уехал. Мне еще кое-какие семейные дела утрясти нужно. Родственник у меня в московском СИЗО под следствием. Нужно с адвокатом поговорить. А потом требуется сразу в Тбилиси вернуться. Опять через Киев, потому что из Москвы улететь невозможно.

– Точно не знаю, но краем уха слышал, что авиасообщение восстановили.

– Это не важно. Что я скажу в Тбилиси, если там меня спросят, зачем я в Москву летал?

– Родственника в СИЗО навестить. С адвокатом поговорить. Уважительная причина.

– Она перестанет быть уважительной после провала групп-

пы полковника Мартинеса.

– Но, если начнется операция, ты сам будешь в ней участвовать?

– Мне бы очень не хотелось. Но, если возникнет необходимость, я готов.

– Но это тоже не я буду решать. Меня самого допустили бы, и то хорошо. Но на вокзал я тебя вечером отвезу. Сам утром на машине поеду. Мне собаку в поезде везти – дороговато. На него отдельное купе брать нужно.

– Буду ждать вестей.

– Хорошо. Давай координаты для связи.

Габиани продиктовал номера двух сотовых телефонов. И не удивился, что Кольчугин не записывает. Он хорошо, наверное, помнил, какая у отставного подполковника память, потому что в бригаде, где они вместе служили, только один подполковник Кольчугин мог запомнить после минутного рассматривания топографическую карту, а затем по памяти назвать отличия от другой такой же карты...

* * *

Вскоре представилась возможность связаться с генералом Кобылиным. Валдай начал поскуливать и беспокойно переходил с места на место.

– Что это он? Не болеет? – спросил Габиани.

– Время дневной прогулки подошло. У собаки режим. Из-

вини, Анзор Георгиевич, временно оставляю тебя одного. Можешь отдохнуть. Ты же ночь в поезде провел. А наши местные поезда не самые мягкие. Хочешь, на диване ложишься. Или на печку забираешься. Там тепло. Я с утра протопил. Мы обычно часа полтора гуляем. Можешь спокойно поспать. Потренировать тебя никто не должен.

– Я человек южный... – объяснил Анзор Георгиевич. – Солнца в себя за долгую жизнь набрал уже достаточно. Обойдусь без печки. Отдохнуть нужно, согласен.

Давид Вениаминович натянул куртку от своего охотничьего костюма.

– Я трубку с собой возьму. Если что-то случится, мало ли, приедет кто-то, звони.

– Хорошо.

Габиани не спросил номер. Значит, знал его, но раньше не хотел звонить и предупреждать о своем визите. И дело было вовсе не в желании сделать сюрприз. Сработала привычка разведчика – не давать возможности противнику подготовиться. Значит, Габиани чувствует в Давиде Вениаминовиче противника. Кольчугин сразу понял это, но вида, естественно, не подал.

Дверь он никогда не закрывал, если не уезжал на несколько дней. Воровать в деревне некому. Да и гостя закрывать некрасиво. Валдай радовался, первым пробежал через двор к калитке и твякнул оттуда задержавшемуся на крыльце хозяину.

Но Кольчугин не стал торопиться и вернулся в дом.

– Забыл тебе сказать, Анзор Георгиевич. Если есть необходимость поработать на компьютере, он у меня в комнате стоит. К Интернету подключен.

– У меня в сумке свой ноутбук, – отозвался Габияни, уже устраиваясь на диване. С USB-модемом. Если нужно, я с него в Интернет выйду. Со своего привычнее.

– Как скажешь. Мы пошли...

* * *

В этот раз решили обойтись без лыж и просто прогуляться по дороге. Валдай больше любил такие прогулки. На них, по крайней мере, не устанешь. Из окна дома, как хорошо знал Давид Вениаминович, видно было почти всю дорогу до поворота. И потому до этого самого поворота хозяин с собакой неторопливо прогуливались, синхронно останавливаясь, когда Валдаю требовалось поднять лапу. Повернув за угол крайнего дома на поперечную улицу, Кольчугин вытащил трубку и набрал номер генерала Кобылина. Анатолий Иванович, видимо, с нетерпением ждал звонка и потому ответил сразу:

– Я вас, Давид Вениаминович не тревожил, хотя вашего звонка дожидался. Как ваша собака гостя приняла, мне уже рассказали...

– Попутная тема, товарищ генерал. Отучите водителя раз-

ворачиваться по команде «кругом». Это у него слишком по-армейски получается.

– Капитан Садовников недавно на оперативной работе. Не отвык еще. И все норовит на службу в форме приходить. Сразу такие привычки не изживаются. Но я передам ему ваше пожелание. Нужно к службе адаптироваться. Что интересного рассказал полковник Габиани?

– Есть кое-что. Готов предоставить данные для нашего антитеррористического комитета в обмен на гарантии безопасности для его сына. Отправляет меня в Москву для согласования условий. Сами данные предоставит после согласования. Это его условие.

– Данные по той группе, что направляется в Сочи?

– Я не в курсе, куда направляется группа, товарищ генерал. Может быть, и в Сочи. Но Анзор Георгиевич говорит, что в этой группе находится его сын капитан Тенгиз Габиани. Я Тенгиза подростком помню. Сейчас, пожалуй, и узнаю с трудом. Разве что по фамильной лысине. Но лысых людей сейчас великое множество. Ошибиться не трудно.

– Как только вы с собакой из дома вышли, полковник Габиани позвонил Тенгизу. Полагаю, что сыну. Только его сын, если это был он, находится в настоящее время в районе Кутаиси на американской базе. Это не военная база, а база подготовки грузинских командос, но ее так и зовут американской базой, потому что все инструкторы там американцы. Не с группой, которая в Сочи идет, наверное, уже и пришла, и

обосновалась там, а в районе Кутаиси. Так спутник показал. Мы записали разговор, но он велся на грузинском языке. Отдали на перевод. Но результаты пока еще не принесли.

– Возможно, он не с сыном разговаривал. Тенгиз – распространенное имя. Я сам нескольких Тенгизов знаю. Не понаслышке, а лично. Родственник у меня есть Тенгиз. Племянник двоюродный или что-то типа этого.

– Разберемся, когда перевод принесут. Итак, Давид Вениаминович, ваши дальнейшие действия? Какой-то конкретный план есть?

– Вечером отвожу на вокзал Анзора Георгиевича. Сажаю на поезд до Москвы. Утром сам выезжаю в Москву. Я обещал посетить свое бывшее командование и доложить ситуацию. Предположил, что командование будет день думать. После этого пообещал связаться с Габиани.

– А он сам? Что-то о своих планах говорил?

– Собирается в Москве поговорить с адвокатом своего родственника, сидящего под следствием, из Москвы отправиться в Киев, а оттуда улететь в Тбилиси. Из Москвы лететь не хочет, чтобы не вызвать подозрения своего бывшего командования.

– Когда вечером поедете на вокзал, собаку с собой возьмете?

– Да. У меня сиденья второго ряда из-за собаки постоянно сложены. Если раскладывать, собака там не поместится.

– Хорошо. Когда вернетесь, я буду у вас в гостях. Тогда

и поговорим подробно. Вы же дверь, кажется, никогда не закрываете?

– Не закрываю. Буду рад, товарищ генерал, угостить вас чаем. У меня вода хорошая. Из родника. Габiani не всю выпил...

* * *

Предательски скрипучий снег перестал скрипеть. В воздухе запахло весной, которая в эти горы всегда приходит рано. Полковник Мартинес специально, чтобы проверить свои ощущения, сгреб ладонью небольшую горочку снега и сжал ее в кулаке, потом поднес к носу и понюхал. Запах свежести создавал хорошее настроение и нес, как казалось, ожидание близких перемен. Да, весна уже рядом, готова перешагнуть через порог. Время, если посмотреть на часы, еще раннее, а снег уже прогрелся на солнце и стал пластичным. К середине дня при такой погоде может даже подтаять.

Но, возвращаясь мыслями к окружающей действительности, нельзя было не отметить, что этот снег в стороне от горнолыжной трассы. Там, на самой трассе, снег другой, и потому группе олимпийских шпионов мало просто взять образцы снега рядом с трассой. Им необходимо «пощипать» саму трассу. Зря, что ли, кругом стоят машины для производства снега. Они делают снег на основе воды, а воду готовят в специальных отстойниках по собственным рецептам. Если

бы еще и эту воду взять на пробу и химический анализ, то вполне можно сразу же убираться подальше, поскольку дело было бы сделано. Сами олимпийские шпионы все это тоже, несомненно, прекрасно понимают и потому будут торопиться. К отстойникам, где готовят воду для искусственного снега, их, понятно, близко не подпустят. Остается трасса. Но и конечный продукт можно проанализировать, и получить лабораторный результат. И от этого уже можно будет исходить. Если, конечно, удастся благополучно завершить дело. Но Мартинес был уверен, что им это не удастся. Даже если эти парни и имеют выход на ту самую израильскую фирму «Visonic», то данные у них на руках минимальные. Мартинеса предупредили бы, если бы от какой-то стороны пришел запрос на полные данные. И пусть «Visonic» – это не армейская фирма, хотя ее продукцией пользуются и военные, и военизированные структуры, она тоже умеет хранить свои секреты, потому что в этом заключается ее коммерческий интерес. И добыть необходимые сведения о клиентах можно только методами мощного пресса, построенного на надежном фундаменте шантажа. Таким инструментом, как шантаж, полковник Мартинес владел в совершенстве, и даже считался мастером по организации шантажа, и потому данные из «Visonic» имел всегда. Нужные ему для работы данные.

В очередной раз дождавшись, когда Второй и Третий догонят его, полковник двинулся вперед, преодолевая послед-

ний участок дистанции до места первоначального расположения группы олимпийских шпионов. Сами шпионы уже значительно продвинулись в сторону трассы, до которой им осталось немногим более пятидесяти метров. В целом дистанция между двумя группами сохранилась прежней.

– Я – Второй, – сказал Бексолтан. – У меня есть опасения, что эти парни сейчас пожелают отступить на прежнюю позицию, а она окажется занятой нами. Что тогда будем делать, Первый?

– На чем основываются твои опасения? – спросил Мартинес. – Просто интуиция?

– Мне показалось, что подъемник стал работать быстрее. Скорость движения кабин повысилась. Не иначе, охрана уже поднимается.

– Мне тоже так показалось, – сказал Третий. – Я уже пару минут к подъемнику присматриваюсь. Точно – быстрее пошел.

– Молодцы. Заметили. Я сам слежу за ним, – соврал полковник для поддержания авторитета. Я не думаю, что охранники будут стрелять из кабины. Я вообще не думаю, что они будут стрелять. Это все-таки не военный объект. Они будут применять оружие только при явной опасности для своей жизни. А у олимпийских шпионов оружия быть не должно. Они даже ножа с собой в разведку не берут.

– Почему? – не понял Хамид, в принципе не представляющий себе мужчину без оружия.

– Без оружия они могут выдать себя за туристов или спортсменов. Не в данной ситуации, но в какой-то другой, если их будут досматривать. С оружием они теряют этот вариант прикрытия. А он самый надежный из всех.

Полковник Мартинес говорил, приложив к глазам бинокль, и потому первым обнаружил опасность. На трех двухместных сиденьях подъемника к началу трассы поднимались шестеро охранников с лыжами на ногах. В принципе, отличить охранников от рано проснувшихся спортсменов было несложно. Спортсмены обычно предпочитают яркие костюмы. Охранники же были в черной униформе и в таких же черных шлемах. Более того, один из них, расположившийся на первом из трех сидений, часто поднимал к глазам бинокль, направляя его в ту сторону, где находилась группа олимпийских шпионов.

– Не шевелиться! – предупредил Мартинес. – Охрана...

– Они сейчас за скалу спрячутся, – Второй показал, что тоже видит охрану.

– Не шевелиться, пока не спрятались, – строго повторил полковник.

Этот подъемник шел вдоль горнолыжной трассы, предназначенной для слалома, но существовал и второй – на трассе для скоростного спуска, расположенной чуть в стороне, и за спиной группы Мартинеса, и полковник был уверен, что тем подъемником сейчас пользуется вторая группа охраны, страхующая первую.

– Вот и все, – сказал Второй, констатируя увиденное. – Они за скалой, можно не напрягаться, мы в безопасности.

– Напрягись, – посоветовал Третий. – Сейчас пара охранников выпрыгнет на снег. Там подъемник в двух метрах над поверхностью идет. Они снизу заслон выставят.

– Должны выставить, если свое дело знают, – согласился Мартинес, поддерживая Третьего. – Если не выставят, им здесь вообще нечего делать.

Как оказалось, охранники свое дело знали. Видимо, у них заранее был разработан план действий, который они и претворяли в жизнь, или просто сообразили, исходя из обстановки, как лучше работать. И когда из-за верхнего края скалы показались занятые сиденья подъемника, то на них продолжали подъем только четверо охранников, а двое замыкающих просто выпрыгнули в снег, сразу на лыжи, как только им позволило расстояние до снежного покрова. Но где и как заняла позицию пара охранников, видно из-за скалы не было, как не было видно и самих олимпийских шпионов, которые низиной ушли все за ту же самую скалу. Полковник Мартинес предполагал, что они именно этой низиной и будут подходить к трассе, поскольку низина дает возможность спрятаться от камер видеонаблюдения, выставленных не так и часто, как можно было бы выставить. И, поскольку низина на самой трассе засыпана снегом из «снегоделательной» машины, пробы снега можно брать, не покидая низину и никак не засвечиваясь перед охраной.

При этом Мартинес предположил, что любой мало-мальски грамотный охранник, даже с трудом окончивший в свое время среднюю школу по причине деменции, должен сообщить, что здесь самое слабое место во всей системе охраны. А слабые места всегда усиливают. Значит, помимо камер должно быть еще что-то. И полковник уже знал, что именно. И даже имел средства, как это «что-то», внешне обязательно невидимое для невооруженного глаза, обнаружить и обойти. Сказался опыт полковника.

И теперь группе предстояло ждать, чтобы увидеть развитие событий. Для этого им пришлось обойти скалу и занять новую позицию, с которой ничто не закрывало обзора.

* * *

Бинокль с тепловизором позволил полковнику Мартинесу обнаружить и место, где скрывались олимпийские шпионы. Но они, кажется, уже и не скрывались, а возвращались, стараясь удалиться от слаломной трассы все по скрывающей их складке склона. Но в тепловизор хорошо было видно свечение человеческих тел, выходящее из-за края складки. Возможно, у охранников тоже были бинокли с тепловизорами, один или несколько, и это было плохо. Конечно, они все вокруг не рассматривали целенаправленно, но тем не менее уже зная, где искать олимпийских шпионов, потому что знали, на каком участке сработала сигнализация системы охра-

ны периметра трассы, и это место контролировали поочередно два охранника, покинувших подъемник. И совсем плохо было бы, если бы кто-то из этих охранников вздумал посмотреть через тепловизор на скалу. Присутствие там полковника Мартинеса с помощниками определить было бы нетрудно. Тогда следовало принять бой, что само по себе казалось нежелательным. Но охранники, к счастью, наблюдали только за складкой склона, не отвлекаясь на красоты окружающего пейзажа. А скоро появились и четверо их товарищей по группе. Они, конечно, спускались не со скоростью настоящих спортсменов-слаломистов, тем не менее на лыжах стояли уверенно, и спуск не мог быть долгим.

Полковник Мартинес понял, что олимпийским шпионам не уйти от преследования, поскольку шпионы и лыж не имели, и уходить им было некуда; с другой стороны, их должна была бы блокировать группа, поднявшаяся на подъемнике у трассы скоростного спуска. По профессиональным действиям первой группы полковник уже сделал вывод об обязательном выставлении второй группы. Верхние охранники с трассы свернули довольно умело и проехали по неукатанному склону как раз к нужному месту. Это подтверждало наличие у них биноклей с тепловизорами. А Мартинес часто слышал, что в России такими биноклями не оснащаются даже спецслужбы. Наверное, это мнение сродни тому, согласно которому в Москве по улицам бродят медведи.

– Не шевелиться! – строго приказал полковник Марти-

нес спутникам. – У них бинокли с тепловизорами. Если нас обнаружат, будем стрелять на поражение и уходить в горы. Олимпийских шпионов тоже оставлять нельзя. Они свидетели.

Но в их сторону, к счастью, ни один из охранников не посмотрел. Не до того было. Четверо остановились у края складки. С другой стороны, сняв лыжи, предназначенные только для спуска, но совсем не для подъема в гору, подошли еще двое. Разговора слышно не было, но он был, видимо, серьезным и жестким. Трое олимпийских шпионов поднялись из своего укрытия. Их обыскали. Потом один из охранников прыгнул с другой стороны складки туда, где сидели олимпийские шпионы, и выбросил наверх четыре цилиндра. Мартинес понял, что это термосы-контейнеры с пробами снега. Все встало на свои места, и олимпийских шпионов стали сопровождать к тропе, по которой можно было спуститься без лыж. Все свое снаряжение они несли на себе...

* * *

– Уважаю точные предсказания, – с какой-то мечтательностью, может быть, ностальгической, сказал Третий, обращаясь к чистому безоблачному небу, в которое смотрел, лежа на спине. – С самого раннего детства уважаю. У нас в селе старуха-гадалка была. Бараньи костяшки на стол бросала и видела все. Если спрашивали что-то, всегда точно отвечала.

Говорят, ни разу не ошибалась. Ее все село сильно уважало. Из соседних районов к ней приезжали. Наш полковник, видимо, из таких же. Без ошибок, похоже, работает...

Мартинес молча принял сомнительный комплимент, сравнивающий его со старухой-гадалкой. Но полковник не отнес слова Хамида к грубости, хорошо понимая разность менталитетов таких непохожих один на другого народов. И разницу интеллектов тоже осознавая, но никогда не заостряя на этом вопросе внимания.

– Меня больше не предсказания волнуют, – сказал Бексолтан. – Где они засветились? На чем попались? Где-то есть, видимо, черта, которую нельзя пересекать.

– Второй прав, – отметил полковник Мартинес.

– Снова будем вызывать охрану? – спросил Третий. – Может, проще будет им позвонить?

Полковник на юмор не отреагировал, а просто двинулся вперед все тем же «ползучим» способом передвижения...

* * *

Ползать спутникам полковника уже надоело, хотя возразить они не решались. Мартинес сформировал эту группу в последний момент, собрав в ней ребят только из кавказских республик России, и не взял ни одного грузина, хотя одновременно готовил и грузин. Но эти кавказцы, как их в России зовут повсеместно, были лучшими из всех курсантов пол-

ковника. По всем показателям лучшими. А главное, по своему боевому духу. Но и им однообразие уже, кажется, стало надоедать. Им бой подавай, где можно и рискнуть, и себя показать. И не понимают эти парни, что к любому бою следует основательно готовиться, если не хочешь, чтобы этот бой стал для тебя последним. А уж к акции, подобной той, какую готовили они, подготовка требовалась особенно тщательная. И здесь проявлять нетерпение и вообще позволять скуке терзать свой характер непозволительно. Скука – это первая ступень к небрежности. А за второй ступенью часто уже стоит смерть и смотрит на тебя черными глазами выходных отверстий автоматных стволов.

Вообще уровень подготовки курсантов учебного курса Мартинесу был, грубо говоря, безразличен. Да, он умел готовить бойцов к дерзким и рискованным операциям, хотя это был и не совсем его профиль. Его основной профиль – сами операции, действие. Тем не менее полковник и к преподавательской своей деятельности относился серьезно, тем более что от его успешной работы зависело многое. В частности, дальнейшее приглашение американских инструкторов. А то среди грузинских военных нашлись собственные специалисты, которые ни во что не ставили американскую систему подготовки. Эта оппозиция особенно усилилась после событий в Южной Осетии, когда грузинские командос, подготовленные американскими инструкторами, зарекомендовали себя не самым лучшим образом, хотя на них возлага-

лись очень большие надежды и задачи им ставились не просто оперативного, но почти стратегического значения. Единственный успех выпал на группу, которая специально готовилась для уничтожения командующего российскими войсками, если те решатся перейти Рокский тоннель. Но и здесь командующий отделался ранением, а группа была уничтожена. Следовательно, успеха не достигли. Попросту и мягко говоря, со своими задачами командос не справились. Однако, как истинный патриот своей страны, полковник считал все американское лучшим и хотел это доказать. Готовить грузин для непосредственных действий в России, в потом проводить эти действия Мартинесу никто не позволил бы. Любая минимальная утечка информации грозила бы серьезными последствиями для грузинской стороны. А где и как можно продемонстрировать боевую подготовку, как не в реальных условиях! Но вот группу из граждан России, пусть и радикально настроенных по отношению к существующей власти и даже находящихся в розыске, объявленном российскими следственными органами, подготовить и продемонстрировать ее в деле – это было реально. Сам Мартинес, имеющий информацию, что чеченский террорист Доку Умаров, глава международной террористической организации «Имарат Кавказ», признается международным террористом и Соединенными Штатами, иметь дело с ним лично не захотел. Но грузинские спецслужбы с Умаровым сотрудничали давно и тесно. И с благословения Умарова и в соответствии с его

рекомендациями было выбрано два десятка парней, из которых полковник Мартинес, после соответствующей проверки на тест Купера и тестирования на интеллект, и сформировал новую группу из восьми человек, которая проходила подготовку вместе с грузинскими командос. Национальная принадлежность группы не имела значения для грузинской стороны, как и для самого полковника. Кавказцы могли точно так же, как грузины, продемонстрировать высокое качество подготовки диверсантов по американской системе. Что Мартинес и намеревался сделать. Причем, когда представилась возможность провести диверсию, о которой многие серьезные и хорошо подготовленные профессиональные диверсанты только мечтают, Мартинес посчитал, что это вообще подарок судьбы. Такая диверсия войдет в аналоги мировой диверсионной истории и станет примером в учебниках. И пусть кто-то постарается назвать ее террористической акцией, это сути не меняет. А что самое главное, попутно с этой, не основной работой Мартинес будет проводить и работу основную, где его группа может быть задействована только в качестве прикрытия, потому что допускать кавказцев до своих дел Мартинес не намеревался.

А его дела носили серьезный характер и могли многое дать для повышения боеспособности американской военной машины. В последние годы конгресс выделяет значительные средства на изыскания и исследования в области созда-

ния новых видов вооружений. Агентство DARPA⁹ прожорливо, но затраты все же окупает. При этом еще и умудряется финансировать деятельность ЦРУ, помогающее DARPA добывать документацию по новым вооружениям как союзников, так и потенциальных противников. Нынешняя операция полковника Мартинеса финансируется как раз из бюджета DARPA. Действия полковника Мартинеса в случае успеха могли бы быть оценены в много миллионов долларов, которые удастся сэкономить. Может быть, даже сотни миллионов долларов...

⁹ Агентство DARPA (Defense Advanced Research Projects Agency) – секретная правительственная структура США, созданная чуть больше пятидесяти лет назад, чтобы предотвратить отставание Соединенных Штатов в каком-либо виде вооружений. Идея создания такого агентства возникла у американских конгрессменов после запуска СССР первого искусственного спутника Земли. Американцы уже тогда сообразили, что спутники могут выполнять и военные функции, что впоследствии и произошло. Но все же наиболее существенным делом DARPA на протяжении полувековой истории считается создание сети Интернет. Работы по созданию сети финансировались именно через это правительственное агентство, и до сих пор Соединенные Штаты сохраняют за собой ряд важных приоритетов, таких, например, как распределение доменов и проч., что позволяет им осуществлять частичный контроль за Интернетом. В настоящее время агентство сосредоточено на поиске подходящих для военных целей «прорывных» технологических решений в биологии, медицине, механике, информатике, химии, физике, психологии и в других направлениях. Через DARPA осуществляется вся координация связи между представителями фундаментальной науки (разных стран) и военно-промышленным комплексом США.

* * *

Выйти к складке склона, повторяя окончание маршрута группы олимпийских шпионов, в принципе было несложно и не опасно, поскольку скала с двух сторон прикрывала от взгляда видеокамер, а с двух других сторон прикрыла бы сама складка. Конечно, завершить маршрут хотелось бы во все не так, как завершила его предыдущая группа. И потому полковник Мартинес не позволял ни себе, ни партнерам расслабляться. И пешему ходу, который был здесь тоже допустим, предпочитал передвижение ползком. Это сильно тормозило дело, но группу никто и никакие обстоятельства не подгоняли. Сам полковник полз не торопясь. Однако партнеры даже при таком темпе отставали. Они не старались продвигаться быстрее. Но и подгонять их тоже не хотелось. И даже так, не торопясь, группа за полчаса вышла к исходной точке. И только там Мартинес перевернулся на спину, а потом, осмотревшись по сторонам и убедившись в безопасности, вообще сел и стал дожидаться, когда Бексолтан с Хамидом доберутся до него. Они увидели его позу и заторопились, понимая, что скука кончается и предстоит увидеть что-то новое.

Подъемник охрана уже выключила. Спортсмены в такое время еще не выбираются на склон. Не раньше чем через полтора часа начнут прибывать первые любители горных

лыж. Любительская трасса вообще располагается дальше и в стороне, по ту сторону спортивной трассы. Но любители горных лыж пользуются тем же самым подъемником, что и тренирующиеся спортсмены, и потому до их появления полковнику Мартинесу с компаньонами предстояло уйти подальше, чтобы не попасться кому-то на глаза.

Бексолтан с Хамидом наконец-то добрались до Мартинеса и сели точно так же, как он, переводя дыхание. Вообще они парни выносливые, как знал полковник по занятиям, однако передвижение ползком непривычно и даже самых выносливых без отработанных навыков выматывает и лишает сил. Однако они не жаловались.

Полковник дал спутникам возможность привести дыхание в порядок, и только после этого начал говорить достаточно серьезным тоном, чтобы показать, насколько важно его объяснение.

– «Напульсник»... – поднял он свою руку, показывая, на что стоит посмотреть.

«Напульсник», надеваемый на запястье там, где обычно человек носит часы, был чуть меньше среднего размера мобильного телефона и представлял собой, по сути дела, пульт управления всеми системами электронного вооружения диверсанта, а точнее головным компьютером, расположенным в каске. Каски для группы были доставлены буквально накануне выхода на операцию. Основные функции бойцы успели изучить, но всех возможностей каски они еще не знали. Од-

нако сам полковник Мартинес когда-то принимал участие в испытании этих касок, разработанных специалистами лаборатории АНБ, да и в боевых действиях успел уже опробовать, и потому всегда был готов дать совет и рекомендации по их использованию.

– Левая, вторая снизу кнопка. Три коротких нажатия... – прозвучала команда. Причем сам полковник выполнял собственную команду одновременно с партнерами.

И секунды не прошло, как из каски, состоящей из многих слоев кевлара, стало выходить затемненное стекло. Но это была не просто защита лица от ветра и солнца, как могло бы показаться со стороны кому-то несведущему. Это был полупрозрачный монитор компьютера и одновременно сложный фильтр.

– Одну кнопку выше. Одно нажатие!

Компьютер включился, и, как показал монитор полковника, умеющего свободно обращаться с этой электроникой, загрузка программы управления инфракрасными датчиками и сенсорными устройствами началась у всех троих одновременно. Все три компьютера работали в одной системе и даже показывали состояние здоровья человека всем входящим в систему. Следовало только запустить соответствующую программу...

Глава третья

Проблем с билетами не возникло. Кассиршу ничуть не смутил паспорт гражданина иностранного государства, хотя впечатывать в билет фамилию Габиани пришлось под побуквенную диктовку Давида Вениаминовича кириллицей, поскольку компьютер у кассира не был знаком с грузинским алфавитом. Посадив гостя в поезд и убедившись, что он устроился со всеми возможными удобствами, которых даже в купейном вагоне, как показалось, явно не хватало, Кольчугин дождался отправления состава на перроне, чтобы быть точно уверенным, что Габиани уехал, и не опасаться его непредвиденного возвращения в разгар беседы с генералом.

Вернувшись на стоянку, Давид Вениаминович услышал богатырский храп Валдая, от которого, казалось, вибрировал и подрагивал пластиковый верх машины. Валдай проснулся только после того, как хозяин дверцу открыл. Но сам Кольчугин хорошо знал, что храп собаки вовсе не означает, что та ничего не видит и не слышит. По большому счету, это был даже и не храп, а просто вибрации воздуха из-за того, что Валдай был очень губастым псом. Большие обвислые губы вибрировали при дыхании. А дыхание было мощным, как и все собачье тело.

Добираться до дома по скользкой вечерней дороге было не слишком приятно, поскольку джип «Ренглер» Кольчуги-

на не имел дополнительного освещения, которое часто ставится на подобные машины. А штатные фары были на лесной дороге явно недостаточно сильными. И хотя Давид Вениаминович знал, что дома его уже дожидается генерал Кобылин, тем не менее излишне не торопился и ехал аккуратно, объезжая обочины. И только уже в деревне, на последнем двухкилометровом участке, где дорога была получше, Кольчугин поехал быстрее.

Около дворовых ворот, не закрывая проезд в соседние гаражные ворота, стоял старенький и в нескольких местах побитый «Ниссан Патрол». Тоже вполне подходящая машина для местных дорог. Оставив свой «Ренглер» рядом, Давид Вениаминович выпустил собаку, которая сразу насторожилась. Но при хозяине, тем более за пределами дома и даже двора, Валдай практически никогда не проявлял агрессивности. Вместе они прошли за калитку, где Валдай сразу побежал к двери, чувствуя запах постороннего человека. Но спокойствие хозяина и собаку успокаивало. Хорошие собаки всегда чувствуют обстановку лучше, чем видят.

Генерал стоял сразу за комнатным порогом и приветливо улыбался. Подняв руки в капитулирующем жесте, он позволил собаке обнюхать себя, и когда Валдай завилял хвостом, показывая, что он вообще-то существо общительное и незлобивое и гостям всегда рад, Кобылин сначала пса погладил по большущей голове, потом протянул Кольчугину руку.

– Не скажу, что заждался хозяев, но признаюсь, рассчитывал, что вы быстрее обернетесь. На такой-то машине...

– Здесь ситуацию разрешает, товарищ генерал, не машина, а плохая дорога, – уклончиво ответил Давид Вениаминович.

Генерал, как только Валдай завершил процедуру знакомства, сделал шаг в сторону, освобождая хозяину дома дорогу. Кольчугин снял куртку, пристроил ее на вешалке рядом с кожаной генеральской курткой и сразу двинулся на кухню...

* * *

В отличие от предыдущего гостя генерал пил чай с удовольствием и не торопился оторваться от этого занятия, чтобы приступить к разговору, ради которого он и приехал. И знаменитая армейская фраза о том, что чай не водка и много его не выпьешь, генералу, скорее всего, была не знакома, поскольку он не был армейским генералом. Но это Давиду Вениаминовичу и нравилось в Кобылине. Однако чай, как и водка, имел привычку заканчиваться. Анатолий Иванович приподнял заварочный чайник, проверяя на вес, и снова поставил на стол. В чайнике уже оставалась одна гуща. Значит, можно было приступать к разговору.

– Чай похвалю, Давид Вениаминович. Вода у вас и в самом деле чрезвычайно вкусная. Необычная вода. Давно я колодезной не баловался...

– Это не колодезная. Это родниковая.

– Тем более. Но, как ни приятно баловать себя чаем, все же разговаривать нам придется о делах. И начну я с вопроса. Какое впечатление на вас произвел недавний гость?

– Внешне – хорошее. Анзор Георгиевич, кажется, в неплохой боевой форме. Следит за собой. А то у нас как часто случается... Выходит человек в отставку, расслабляется и сразу лишние килограммы набирает. И все уже. Ни к чему серьезному человек не годен...

– Ну, про вас такого не скажешь.

– Я себя в форме поддерживаю. На охотничьих лыжах ходить в три раза сложнее, чем на спортивных. Нагрузка большая. Тем более что никогда не хожу по старой лыжне. И все лето на ногах и на руках работаю.

– Это как – на руках?

– Собака у меня водоплавающая. Я резиновую лодку на голове к речке спускаю, сам за весла, а собака за мной плывет. И оба мы в форме. Полезное занятие. Да и пешком каждый день минимум по десятку километров проходим. Здесь не город. Здесь толстеть не хочется.

– Отличная жизненная позиция. Наверное, потому вы и выглядите не хуже, чем Анзор Георгиевич. Ни в чем ему не уступаете. Впрочем, я не о том спрашиваю. Не про внешний вид Габiani. Меня больше интересует ваше чутье разведчика. Зачем он приехал? Чего хотел добиться от вас?

– Извините, товарищ генерал, когда я комбатом был, мой

начальник штаба в ответ на подобные вопросы встречный задавал. Кто старше по званию, кердык или кочердык? Понимаете суть его встречного вопроса?

– Я понял вас, Давид Вениаминович, и тем не менее...

– У меня нет никаких данных, товарищ генерал, чтобы делать выводы. Могу только пересказать содержание нашей беседы и свои отдельные, несистематизированные наблюдения. А вот выводы по сути происшедшего я надеялся, честно говоря, от вас услышать. Вы информацией владеете если уж не в полном объеме, то в гораздо большей степени, нежели я.

– Согласен частично. Но в значительной части. Выводы делать еще рано, но информацией я поделиться смогу. Это однозначно. Итак, я слушаю. О чем шла речь?

Кольчугин не стал дословно пересказывать весь разговор с Габiani. Как человек, всю свою сознательную жизнь прослуживший в армии, он умел докладывать кратко, умел выделять главные тезисы, которые оформлял лишь небольшими лаконичными подробностями. Таким образом, доклад получился сжатым и емким. Генерал только кивал в такт словам и выглядел вполне удовлетворенным услышанным.

– В принципе, Давид Вениаминович, это как раз то, что мы ожидали со стороны Габiani. Надеюсь, что вы охотно будете сотрудничать с ним.

– Если есть такая необходимость, товарищ генерал.

– Относительно необходимости я скажу отдельно. Не мне вам объяснять, что такое дезинформация. И наша задача

на данном этапе убедить грузинских ответственных лиц в том, что система подготовки, рекомендованная американцами, действительно хороша и действенна. Мы с вами, точно так же как полковник Габиани, прекрасно знаем, что в сравнении с системой подготовки спецназа ГРУ она проигрывает. Но не в наших интересах готовить грузинские командос, которые в отдельных случаях, я повторяю, в отдельных случаях, мы имеем право рассматривать как недружественные российской стороне силы. По крайней мере, во время событий в Южной Осетии в две тысячи восьмом году это было так. И во многих других случаях это было тоже так. И при нынешнем положении вещей в международных отношениях пока не предвидится изменений к лучшему. Следовательно, нам ни к чему экспортировать в Грузию наши технологии подготовки спецназа. Пусть уж лучше проходят свой тест Купера и спокойно себя чувствуют до того времени, когда начнут чувствовать себя беспокойно, поскольку этот тест, на мой взгляд и на взгляд наших специалистов, – полная ерунда. Вы как, Давид Вениаминович, относитесь к тесту Купера?

– Насколько я понимаю, главная ошибка доктора Купера заключается в возрастном цензе. Купер не рекомендовал использовать его тесты для людей старше тридцати пяти лет. Это, на его взгляд, критический возраст для спецназовца, за которым лежит предел выносливости. Хотя все его таблицы, помнится, рассчитаны на возраст до тридцати девяти лет. Но

мужчину в возрасте тридцати девяти лет Купер считает полным отстоем и нормативы для него предусматривает пониженные. При этом совершенно не учитывается то, что в нашей системе подготовки ставится во главу угла – характер и умение терпеть. Совершенно непонятно, с какой стати берется за точку отсчета именно вариант с двенадцатью минутами бега, плавания и остальных дисциплин. Двенадцатиминутный бег по системе доктора Купера, может быть, что-то и показывает. Но он не может показать умения человека передвигаться бегом в течение целого дня. Здесь уже только на характере можно бежать. И на опыте, который позволяет правильно распределять силы и управлять дыханием. А опыт приходит как раз после тридцати пяти. Я тут, товарищ генерал, однажды разговаривал с одним профессиональным боксером-ветераном. Он тогда уже сорокалетний рубеж перешагнул. И говорил, что соображает лучше, чем соображал, будучи молодым, все видит, но не всегда успевает среагировать. Здесь, возможно, сильная сторона теста доктора Купера, но она же является и сильной стороной для контраргумента.

– Я готов выслушать грамотный контраргумент, – кивнул генерал Кобылин.

– Контраргумент простейший. Командир ведет группу по заросшему кустами ущелью. Из кустов высовывается пулеметный ствол в сторону группы. Молодой человек с отличной реакцией успевает среагировать и дать очередь на опе-

режение по этим кустам. В этом случае доктор Купер будет прав. Но, если командир опытный, он может предвидеть в опасном месте засаду. Любой опытный командир всегда определит удобное для засады место, потому что сам много раз такие засады устраивал. И обстреляет кусты еще до того, как оттуда высунется тот самый пулеметный ствол. Эта тактика часто срабатывала. Особенно в период военных действий в Чечне. Я тогда вообще приказывал всем бронемашинам при продвижении по ущельям расстреливать из башенного пулемета все подозрительные места до того, как бронетехника к ним близко подойдет. Это и есть преимущество опыта. А что касается бега, хоть на двенадцать минут, хоть на двенадцать часов, я готов прямо сейчас посоревноваться с любым морским пехотинцем США. Просто я знаю их уровень подготовки по совместным учениям. Я участвовал в антитеррористических учениях и с американцами, и с французами, и с англичанами. Не тянут они в сравнении с нашим спецназом. Откровенно не тянут. Американцы вообще подsumки для магазинов набивают туалетной бумагой вместо патронов. Так бегать легче, да и без этой бумаги они обходиться не привыкли.

– Все это я знаю и принимаю, Давид Вениаминович, – охотно согласился генерал Кобылин. – И именно потому не хочу, чтобы грузинские командос готовились по нашей системе. И это не мое личное желание, не мое личное отношение к делу. Исходя из такого подхода, как вы, должно быть,

понимаете...

– Я понимаю, что мы должны выпустить группу, о которой говорил Габiani... Извините, товарищ генерал, никак язык не поворачивается его полковником назвать. Привык к тому, что он майор. Хотя, пожалуй, следует привыкать...

– Да, сейчас многое изменилось. И Грузия оказалась по другую сторону российских интересов. Ничего страшного не было бы в ее самостоятельности. Но, когда бывшая часть нашей страны становится на сторону потенциального противника, это иначе как предательством назвать нельзя. Точно так же, как украинскую политику. Но с этим нам жить, и следует приспособливаться к новым условиям. Предатели были всегда, сколько существует человечество. Бороться со страстью к предательству бесполезно. Но и придавать предателям дополнительные силы тоже не в наших интересах. Поэтому мы и должны показать, что полковник Валентино Мартинес способен готовить командос по американской системе подготовки. Мы в данном случае даже вчерашних друзей не предаем, как может показаться, но соблюдаем свои интересы. Анзор Георгиевич не был с вами искренним. Он не ушел в отставку. Он надеется получить должность руководителя центра подготовки командос. Это наши разведданные. Они проверены и сомнению не подлежат. Да, полковник Габiani сказал правду о своей конкуренции с Мартинесом. Впрочем, сам полковник Мартинес лицо во всей этой истории временное. Он в самом деле вовсе не пол-

ковник корпуса морской пехоты США, как считают его грузинские друзья и покровители из грузинского Генерального штаба. Полковник Мартинес – кадровый офицер ЦРУ, всю свою жизнь там прослуживший, и в данном случае, прикрываясь должностью инструктора, проводит какую-то свою акцию. Но какую именно, мы пока не знаем. Его группа, составленная из радикально настроенных представителей северокавказских народов, короче говоря, из простых бандитов, прикрывающихся идеями исламизма, будет выполнять собственную террористическую задачу. Намеревается ее выполнить. Мы же контролируем действия группы. Вернее, не мы, а ФСБ с нашей помощью. Наша работа, как вы, Давид Вениаминович, наверное, понимаете, несколько иного профиля, и в своих действиях на территории России мы обязаны и вынуждены работать в тесном сотрудничестве с другими силовыми структурами. И со спецназом ГРУ, и с ФСБ. Если вы включаетесь в операцию, вам придется взаимодействовать не только со мной, но и с подполковником ФСБ Извествевым.

– С Виктором Николаевичем?

– Да. Вы знакомы с ним?

– Так точно. Дважды проводили совместные операции в период моей службы.

– Он мне не говорил об этом.

– Виктор Николаевич вообще, помнится, человек немногословный. Мало говорит, но много слушает и еще больше

делает.

– У меня к вам прямой вопрос, Давид Вениаминович. Вы, как я понимаю, решились и включаетесь в нашу операцию?

Кольчугин встал и вытянулся по стойке «смирно».

– Так точно, товарищ генерал. Только я предполагал, что уже включился в нее.

– Значит, мы можем оформить сотрудничество документально. Я понимаю, что на одну подполковничью пенсию вам трудно будет не испытывать проблем в некоторых обстоятельствах.

– Скорее всего, да, хотя мне при моей скромности много и не нужно. Резину бы на машине к лету сменить, и все.

– Договоримся, я думаю, по всем вопросам...

* * *

Генерал предложил прочитать и подписать договор о сотрудничестве, уже составленный юристами Службы внешней разведки, хотя назвать его типовым, наверное, было бы сложно. Кольчугин читал внимательно, не пользуясь очками, которые надевал на нос только тогда, когда работал за компьютером или когда приходилось читать мелкий газетный текст. Но если за компьютером он работал регулярно, то газеты почти не читал, понимая, что найти там правду бывает очень сложно. При чтении книг, где шрифт, как правило, бывает намного крупнее газетного, Давид Вениаминович не

пользовался очками, предпочитая напрягать зрение. Напряжение – это всегда главная составляющая любой тренировки, а зрение, как хорошо знал отставной подполковник, тренируется точно так же, как все мышцы тела.

– Я ничего не нашел, против чего мог бы возразить, – дважды прочитав и положив договор на стол, сказал Давид Вениаминович. – Будем подписывать?

Генерал первым подписал оба экземпляра. За ним поставил подпись и Кольчугин. Печать на договоре уже была предоставлена. Генерал показал пальцем на гриф «Сов. секретно», стоявший в правом верхнем углу первой страницы договора. Именно из-за этого грифа каждый из экземпляров был прошит, и концы нитей прошивки были заклеены бумажным квадратом с печатью.

– Я обратил внимание, – кивнул Кольчугин. – Это создает какие-то сложности?

– Сложности создает для вас, Давид Вениаминович, поскольку вы не имеете собственной секретной части для хранения совершенно секретных документов. И потому я просто прикажу переслать договор в управление кадров ГРУ, чтобы ваше участие в операции вошло в трудовой и боевой стаж. Думаю, это что-то добавит к вашей пенсии.

– У меня нет возражений.

– Тогда жду вопросов.

– Личность полковника ЦРУ Валентино Мартинеса. Хотелось бы подробнее знать, против кого мне предстоит вы-

ступать. Хотя бы в общих чертах. Но кое-что, наверное, мне и сам Анзор Георгиевич сообщит. Но это будет позже.

– Личность незаурядная. Кадровый офицер ЦРУ. Тридцать семь лет от роду. Образование университетское, техническое. Программист. Имеет ученую степень бакалавра. В начале своей служебной карьеры четыре года служил в АНБ США¹⁰, потом был задействован сразу в нескольких одна за другой идущих операциях ЦРУ. В итоге АНБ передало Мартинеса на постоянную службу в ЦРУ. Скорее всего, потому, что методы работы Мартинеса больше соответствовали стилю ЦРУ. Мартинес не имел комплексов и никогда не проявлял каких-то сомнений, связанных с совестью и порядочностью. Наверное, он и сам просился, и о нем просили. И перевод состоялся. Для ЦРУ методы работы Мартинеса – это типичный стиль. АНБ все-таки более интеллигентная организация, предпочитающая не выходить далеко за рамки закона, если обстоятельства позволяют так работать. Но в ЦРУ

¹⁰ АНБ США (NSA) – агентство национальной безопасности США. Из-за высокой степени своей секретности аббревиатура NSA порой расшифровывается в шутку как «No such Agency» (агентство, которого нет). Частично дублирует и ЦРУ, и ФБР, но работает чаще с делами, имеющими политический или сугубо технический уклон. По методам работы отличается от собратьев по клану американских разведчиков и контрразведчиков высокотехнологичными методами добывания информации. Директор АНБ по традиции является одновременно и начальником Кибернетического командования войск США. Штаб-квартира расположена в Форт-Миде, штат Мэриленд. В какой-то мере является аналогом российской ФАПСИ (Федеральное агентство правительственной связи и информации), хотя имеет более широкое поле деятельности.

Мартинес пришелся, что называется, ко двору. Его оценили по достоинству. Тем более что он своей работой сам зарекомендовал себя соответствующим образом. А техническая грамотность позволила использовать Мартинеса в операциях, имеющих подходящий уклон. В ЦРУ обычно не хватает именно таких специалистов. Людей без комплексов у них много, а грамотных сотрудников всегда не хватает. По служебной лестнице он продвигался стремительно. Возможно, наш полковник смог бы стать одним из самых молодых генералов в спецслужбах США, если бы не события в Гренаде. Помните это?

– Остров Гренада. Маленькое государство в Карибском бассейне. Что-то там было в начале или середине восьмидесятых годов.

– Да, остров. Население чуть больше ста тысяч. Армия при этом состояла из трех тысяч бойцов. Коммунистический режим там просуществовал почти четыре года до вторжения на остров американских войск. Американцам хватало под боком одной Кубы. Иметь аналог они не желали. В тысяча девятьсот восемьдесят третьем году американцами была разработана и проведена операция «Urgent Fury» по захвату острова и установлению там своего марионеточного режима. Десант состоял из тридцатитысячного боевого контингента. Основной ударной частью операции считался хваленый американский спецназ «Дельта».

– Это реклама, а не спецназ, – спокойно, почти без пре-

зрения сказал Кольчугин. – Как и почти все американское. По крайней мере, все американское военное.

– Не могу не согласиться, хотя знаю исключения из правил. Что это за спецназ, если он в первой же своей операции по освобождению заложников в Иране теряет сразу сорок процентов личного состава. Помнится мне, спецназ ГРУ в Афгане изначально присутствовал только в количестве одной роты. И за три года потери составили, кажется, один убитым и трое ранеными. И это при том, что рота шла из боя в бой и спали бойцы практически только в вертолетах. Но американцы своей «Дельтой» все равно гордятся. И на нее был главный расчет при захвате Гренады. Армия Гренады была вооружена советским оружием времен Второй мировой войны. Списывали с расконсервированных складов и, вместо уничтожения, передавали гренадцам. Но встретила эта армия американцев достойно. Тогда было сбито более ста транспортных самолетов с десантом. В результате американцы потеряли более двух тысяч человек, в том числе и полностью все группу «Дельта». А обеспечение посадки этих самолетов было возложено на Валентино Мартинеса, тогда еще капитана. Он смог обеспечить посадку, захватив со своей группой охраняемый гражданскими лицами аэродром. Там оказали сопротивление только кубинские строители, практически невооруженные, и два гражданских охранника на КПП. У охранников имелись пистолеты. Но заблокировать действия зенитчиков Мартинес не смог. Зенит-

ки времен Второй мировой войны. Их всерьез принимать никто не мог. А руководитель захвата аэродрома вообще, кажется, не догадывался об их существовании. Справедливости ради нельзя не заметить, что сам капитан Мартинес прибыл на остров за сорок часов до начала операции «Urgent Fugu». Он и времени на подготовку не имел. Но эта неудача затормозила стремительный карьерный рост. Тем не менее мистер Мартинес оправился, почистил крылья и снова на плаву. И проводит серьезные операции, даже чрезвычайно рискованные. Наша задача, с одной стороны, помочь ему и показать грузинским специалистам высокий уровень подготовки бойцов, обучаемых Мартинесом, с другой – блокировать действия самого Мартинеса и по возможности задержать его так, чтобы группа ушла в Грузию без него.

– Сложная, как я понимаю, задача, товарищ генерал. Но если бы задача была простой, не было бы необходимости привлекать спецназ ГРУ.

– Я опять, Давид Вениаминович, могу только согласиться. Впрочем, спецназ ГРУ привлекаем не мы, а грузинская сторона, в соответствии со своими намерениями. Но в остальном вы правы...

* * *

Закрывший солнечный свет, отраженный от снега и потому особенно яркий, полупрозрачный фильтр-монитор кас-

ки дал возможность смотреть по сторонам не прищуриваясь, но сам сначала ничего особенного не показывал и никакого внешнего эффекта спутникам полковника Мартинеса не продемонстрировал. Головной компьютер работает на собственной оперативной системе, ничего общего с общепринятыми оперативными системами компьютеров не имеющей, и не выводит на монитор никаких «иконок». И потому сигнал о том, что компьютер включен и какая-то программа запущена и работает, дает только не мешающие смотреть красные и синие точки слева, почти у самого контура шлема. Чуть скосишь глаза, видишь красную точку. Значит, компьютер работает. Если загорается синяя точка, значит, работает какая-то программа. Существуют точки и других цветов, но каждая связана с собственной операцией, например ярко оранжевая сообщает о включенной инфракрасной камере наблюдения за происходящим сзади. Но компьютер выводит на фильтр-монитор экран камеры только в том случае, если за спиной появляется движущийся биологически активный объект. Основными же считаются только красная и синяя точки. Самих программ в компьютере не слишком много, но все практически необходимое он в состоянии выполнить и становится незаменимым порой помощником во множестве сложных ситуаций. А в простых ситуациях, когда вмешательства не требуется, компьютер будет работать в спящем режиме. Впрочем, полковник заранее знал, что с места, где они находились, ничего видно не будет и компью-

тер будет по-прежнему «спать». И потому дал следующую команду:

– Идете за мной на плотной дистанции. Не отставать. Смотреть вперед только через фильтр. Иначе не увидите, споткнетесь и вызовете охрану.

Он двинулся вперед, не дожидаясь согласия и не объясняя, почему они вызовут охрану, если будут смотреть, подняв фильтр-монитор. А поднять его можно было не только нажатием кнопки на пульте, но и легким толчком пальцев. Монитор послушно поднимался и прятался между кевларовыми слоями каски.

Проползти требовалось всего-то двадцать с небольшим метров, хотя проползти двадцать метров и пройти их шагом – это совершенно разные вещи.

– Что это? – спросил Бексолтан, когда изображение уже появилось и на фильтре-мониторе полковника, но полковник еще и слова сказать не успел, чтобы объяснить.

Но теперь, когда вопрос был задан, можно было и задуматься, как объяснить легче. Разговаривали и полковник и его спутники только на русском языке, поскольку он не знал ни одного из северокавказских языков, а они не владели английским. Но все владели русским, хотя для всех он и не был родным. Это общение не затрудняло, но делало его более медленным, поскольку и сама фраза на чужом языке всегда произносится медленнее, чем на родном, потому что тратится время на обдумывание, и воспринимается чужая речь то-

же медленнее, потому что даже вопреки желанию осуществляется мысленный перевод. Мартинес хорошо знал старую истину из школы разведки: если хочешь говорить так, чтобы в тебе не признали иностранца, приучай себя думать на иностранном языке. Но у него самого было слишком мало практики в овладении русским, чтобы научиться еще и думать, не вставляя ни одного английского слова.

Пауза Мартинеса была длительной, но вызвана она была не только подбором слов, но и внимательным рассматриванием увиденного.

– Это сложнее, чем я предполагал, – сказал он. – Боюсь, что мои израильские друзья перестарались и поставили перед нами непреодолимый барьер.

– А что это такое вообще? – в свою очередь спросил Хамид. – Нити какие-то натянули, что ли? Почему их без фильтра не видно?

– Это лазерные лучи, – коротко объяснил полковник.

– Человека разрезать может запросто, – авторитетно сказал Бексолтан, словно был большим специалистом по лазерной технике. – Моему старшему брату осколок из груди вытаскивали. Операцию в Саудовской Аравии делали. Лазерным скальпелем резали. Всю грудную клетку вскрывали. А шрам остался тоненький. Так и человека разрежет пополам, и никто не поймет, что с ним случилось.

– Поймет, – сказал Мартинес. – Другое поймут. Поймут, что здесь кто-то есть.

– Олимпийских шпионов почему-то не разрезало, – напомнил Хамид. – А они здесь прошли. Следы напрямую ведут.

Мартинес не удивлялся откровенной сельской наивности этого разговора. Он, в принципе, и не думал, что эти простые и малообразованные горцы знают о лазерных системах больше, чем какой-нибудь козий пастух в пустыне Намиб. Да, они научились владеть компьютером и могут даже что-то в Интернете написать. Бексолтан, кажется, имеет в социальной сети свой аккаунт, хотя использует его только для связи со своим шефом, признанным международным террористом Доку Умаровым, а не для саморекламы, как большинство тех, кто заводит свои аккаунты. Но ведь даже обезьяну можно научить использовать палку, чтобы сбить с пальмы самый вкусный банан. А общего развития парням явно не хватало. Им некогда и негде было развивать интеллект, потому что воевать они начали раньше, чем окончили школу. И потому полковник вынужден был, и уже не в первый раз в подобных ситуациях, объяснять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.